

Игорь Евгеньевич Пронин
Истинная руна
Серия «Отраженные», книга 2

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167243

Пронин И. Истинная руна.: «Ленинградское издательство»; СПб.; 2008

ISBN 978-5-9942-0127-5

Аннотация

Отличить Реальность от подделок – задача непростая, хотя бы потому, что Реальность у каждого своя. Своя у магов, населяющих слоистый, причудливый мир, который только кажется нам простым. Своя у «нечисти», которая и сама, кажется, не слишком понимает разницу даже между жизнью и смертью. Ну и, конечно же, своя Реальность у сириусян, которую они и полагают единственной, потому что лишь настоящая Реальность глупа. Чья Реальность возьмет верх? Каждая сторона воюет за свой мир, но в этом мире живут еще и обычные люди. У них свои интересы, и они тоже имеют право жить в реальном мире. Но тому, кто оказался в центре схватки всех со всеми, придется увидеть миры, в которых Петербург высаживает военный десант в Москве, биорги Сириуса ведут окопную войну с лешими, а летающая тарелка атакует рыцарский замок.

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава I	8
Глава II	22
Глава III	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Игорь Пронин

Истинная руна

Земля-156 – Сириусу-12

«...Никакого единоначалия, единообразия и единодушия здесь не наблюдается, как и прочих признаков развитой культуры. Схемой миров, которой пользуются аборигены, овладеть оказалось несложно, куда труднее понять, насколько дикие у них представления о Реальности. Вероятно, мой Принц, все дело в ограниченности органов чувств. Тупиковая ветвь эволюции – человек разумный. Без нас им предстояло бы вымирать еще долго, и беспредельна доброта Императора, который вот-вот положит конец этому жалкому зрелищу. Возвращаясь к делам, коротко поясню их примитивный взгляд на устройство мира. Земляне, называющие себя хозами (от местного слова „хозяин“) и действительно мнящие себя хозяевами планеты, умножают свое тело и разум посредством проекции на устройство ББКЧ-16 по нашей классификации. Хозы именуют его „зеркалом Грохашша“, по имени якобы древнего изобретателя. С тем, как именно ББКЧ-16 попала на Землю, стоит разобраться нашим спецслужбам. Отразившись в этом „зеркале“, абориген получает возможность влиять на свой прежний план с более высокого, на котором теперь также существует. Поразительно, но они называют это магией!

Итак, мой Принц, маги отражаются с плана на план своей реальности, восходя, как вы, конечно, сразу поняли, по Пирамиде Тота. Занятие, мягко говоря, бессмысленное, но разве они способны хоть что-то понять? Их забавляет, словно животных, возможность, выполняя нехитрые (и убийственно грубые!) пассы и заклинания планом выше, чувствовать себя «хозяином» внизу. Конечно, они сразу перессорились, разбились на группировки, которые ведут меж собой нескончаемую войну. Нелепо – но это правда, мой Принц! У них нет даже подобия нашего Императора и Его Семьи. Тупиковая ветвь... Вот только еще один момент хотелось бы мне отметить. По легендам местного населения, первыми хозами стали некие атланты, то ли народ, то ли раса, жившие по местным меркам достаточно давно. Теперь атланты якобы продолжают вести войну с хозами (обычными, лишь отраженными землянами) на неких далеких, высших планах. Тем временем абсолютное большинство населения Земли продолжает жить в мире совершенно материальном, не имея о хозах ни малейшего представления. Ну что за раса! Число собственно планов, насколько я понимаю, давно перевалило за девятьсот девяносто девять, и процесс потерял не только смысл, но и контроль. Реальность наверняка уже занесла над ними свой карающий топор. Если Вы поняли, мой Принц, я здесь немного пародирую стиль «Еженедельных новостей». Впрочем, продолжаю, не отвлекаясь, как Вы любите.

Особых приготовлений к Вторжению не было, как-никак и нескольких миллионов лет не прошло с тех пор, как легионы Императора уничтожили население соседней планетки Марс. По тем же картам, по тем же маршрутам мы достаточно быстро внедрили корпус Вторжения в среду землян на втором плане (Земля-1 по местной классификации) и в нужный момент собирались атаковать первый (Земля-0) план. Проход на него предполагалось совершить в исключительно оригинальной манере: используя противоречия между группировками хозов, с помощью даже местных существ неживой природы, опираясь на особо доверенных, сочувствующих делу Сириуса лиц. Я, случайно оказавшись неподалеку, конечно, решил посмотреть на шоу, чтобы прислать потом Вам несколько хороших кадров. Увы, до дела по-настоящему не дошло. Нас предали, межплановый колодезь заблокирован, а практи-

чески вся Армия погибла вместе с киборгами и артиллерией при попытке прорваться через колодец. В самом деле, мой Принц, – а что им еще оставалось делать? Несчастные биорги! Хотя бы умирать за Императора с радостью они умеют, и за то Ему же Высочайшему поклон.

Итак... Приходится второй раз начать абзац с «итак» – сказывается влияние «Еженедельных новостей». Итак, еще несколько слов о «существах неживой природы», которых я уже упоминал. Здесь их зовут Нечистью. Весьма краткое расследование, которое я успел провести, указывает безоговорочно: это все те же самые аборигены, долгое время назад по каким-то причинам утратившие свою белковую природу. Мой Принц, я уже говорил о работе на планете Земля для наших спецслужб, но вот главная причина для этих слов. Нечисть. Ума не приложу, как, откуда и зачем она появилась! Тем не менее, Нечисть реально существует, в чем я имел некоторое несчастье убедиться. Едва не пострадала честь гражданина Сириуса, мой Принц, да-да! Но об этом – при встрече.

Если Вам и в самом деле придется посетить планету, имейте в виду еще два фактора. Первый: наличие Архива, то есть всеобщего закона, дарованного хозам, но всей видимости, более могучими хозами. Я имею в виду атлантов. Хотя доказательств тому нет, так же как и доказательств самого существования атлантов. Феномен Архива до конца мной не изучен, однако представляет собой, насколько я понимаю, всего лишь надстройку над местной реальностью, совмещенную с замкнутым информаторием по закону Клеймеще-Ож. Управляется и охраняется с помощью примитивных биоргов, тут их зовут ваннами. Архив необходим для стабилизации системы, ибо количество планов, как я уже говорил, превысило девятьсот девяносто девять – критическое число для такого рода игрищ. Второй фактор: бродники. Эти аборигены, судя по всему, представляют из себя наиболее опасную мутацию, они способны перемещаться между планами без межплановых тоннелей и без отражения в зеркале Грохашша. Я бы предложил два варианта борьбы с этими недосуществами. Первое: уничтожение на месте. Второе: предоставление сириусянского гражданства и наследственного титула. Почему так... Полагаю, даже внутренней имперской почте не стоит доверять настолько.

Закончив с делами, расскажу о действительно важном. Вчера, мой Принц, я так надра...»

ПРОЛОГ

Прежде, еще до того, как Белка Чуй познакомился с Максимовичем, у него был другой товарищ. Без товарищей, в одиночку, Белка жить не любил и не умел, ему становилось страшно скучно уже через пару дней. Скука толкала Белку на дурацкие поступки, от которых проистекали разного рода неприятности, а они, как ни странно, лучший способ завести хорошего приятеля. Прежнего приятеля Белки звали Тото.

– Белка, откуда ты взялся такой желтоглазый? – спрашивал порой Тото и улыбался.

Белке становилось жутко: неужели знает? Он иногда отшучивался, иногда ругался, а как-то раз даже для пробы полез в драку. Тото, мужик крупный, но жирный и малоподвижный, встретил атаку неожиданно резким хуком, отбросившим Белку на несколько метров.

Сидя на земле и потирая ушибленную скулу. Белка почувствовал себя униженным. Знает Тото или не знает? Но спрашивать прямо – только нарываться на новые унижения. Белка решил перевести разговор на другую тему и очень кстати увидел зебру.

– Смотри, какая полосатая!

– Ну да, – Тото не обернулся, подозревая, видимо, что Белка повиснет у него на спине. – Мы к зоопарку пришли, ты забыл?

– Я забыл, зачем мы сюда пришли.

– А я тебе и не рассказывал, бродник. Только еще собираюсь.

Они встали у вольера, взявшись за прутья, и принялись рассматривать африканское животное. Отчего-то зебра была одна. Вход в зоопарк находился далеко в стороне, там из гравикатера выгружались очередные посетители и толпились у кассы.

– Мы пришли посмотреть на эту зебру бесплатно? – предположил Белка Чуй.

– Почти угадал. Мы собираемся эту зебру украсть, а пока – приглядываемся.

Белка пригляделся. Украсть животное показалось ему задачей несложной – подойти ночью на грузовом катерке, разрезать прутья вольера... Вот только как зебру поймать? Она не походила на любительницу ходить под седлом или хотя бы кормиться с рук посетителей.

– Зачем нам зебра?

– Это не простая зебра. У нее есть блохи. Совершенно особенные блохи.

– Понятно, – с сочувствием протянул Белка. – Значит, ты решил ее вылечить?

– Отчасти.

– Значит, мы крадем не зебру, а ее блох... – Белка Чуй соображал лучше, чем выглядел. – А нельзя просто попросить? Я думаю, нам их даром отдадут.

– Нельзя попросить. Не отдадут. Заинтересуются и... Если бы они знали, что за блохи живут на этой зебре, ее бы тут не держали, на виду у всех. Впрочем, в зоопарке об этом догадаться некому, ты понимаешь? Тут вообще мало заботятся о животных. Но они – могут догадаться.

Белка растянул тонкие губы в хищной ухмылке. Он знал, что это за «они». Хозы. Нет для желтоглазого бродника развлечения лучше, чем хозам насолить. Правда, дело небезопасное, но что-то давно им с Тото не приходилось удирать.

– Ну-ка расскажи, расскажи мне про этих блох! Они смертельны для хозов? Откуда ты вообще про них знаешь?

– Из Архива. Эта зебра, вся ее поверхность и внутренности – собственность ванов. Ваны прячут ее от хозов. Тебя это не пугает?

Белка довольно удачно сделал вид, что не пугает.

– Хорошо. – Тото отвернулся от зебры, привалился широкой спиной к забору. – Эти твари, что на ней поселились, – бродники, как и мы. Коллеги.

– Шутишь! – не поверил Белка Чуй.

– Нет. Ваны очень о них заботятся. Поэтому и держат на виду – меньше шансов, что хозы пронюхают.

– Они могли бы так спрятать эту лошадку, что хозам ни за что не найти!

– Всесилие ванов – лишь легенда... Откуда всесилие у существ, которые и собственной воли не имеют? Ваны – не люди, а функции. Создавая ванов и Архив, атланты думали о всесилии закона, общего для всех миров, о сдерживании хозов с их аппетитами. Ты, наверное, и сам это понимаешь.

Тото пошел прочь, поманив за собой Белку. Ночью они вернулись и выкрали зебру, увезли за город. Там Тото отослал товарища на разведку, а сам скрылся вместе с добычей. Белка сперва негодовал, но позже, будучи уже арестован, понял, что Тото просто дал ему шанс выкрутиться.

Все время, и до закрытого суда, и после, с Белки не спускали глаз. Бродник не мог прыгнуть на другой план, пока на него смотрят, просто физически не мог, и изнывал от скуки. Он ни в чем не сознался, утверждал, что лишь хотел позабавиться. Ему не поверили. Ваны следили за Белкой через ничего не подозревающих людей-надзирателей, бродник чувствовал их тяжелые, нечеловеческие взгляды. Наконец судья, смущенно покашливая, зачитал приговор по бумажке. Тридцать лет.

– За что?! – как можно более правдоподобно закричал Белка, вырываясь из рук не менее потрясенных солдат. – За зебру?! Вы же ее нашли!

– Вы к этому не имеете отношения... Вы имеете отношение только к краже, – сказал судья, вытирая обильный пот. – Заседание окончено.

Еще несколько месяцев Белку продержали в тюрьме, постоянно меняя соседей по камере. Очень разговорчивых и любопытных соседей. Белка наседок терпел сколько мог, а когда уставал, затевал драку. Но и новые сокамерники не спали ночами, следили за бродником, не позволяя прыгнуть. Наконец Белку перевели в лагерь, где он и познакомился с Максиминовичем. Еще спустя некоторое время судебная ошибка была неожиданно исправлена: тридцать лет заменили полугодом и торжественно выпустили Белку Чуя на свободу. Ваны – не люди, даже не хозы, они не умеют наказывать «на всякий случай». Ваны поверили, что Белка обычный хулиган, случайно спевшийся с незарегистрированным бродником. Или – сделали вид.

Схваченный несколько позже Тото под человеческий суд не попал, ваны сразу забрали его в Архив. Там нарушителя заточили в Спираль, логово Неместа и Невремени, кошмар каждого, перешедшего хранителям Архива дорогу. Удалось ли Тото добраться до блох-путешественниц по мирам, какую он из этого извлек пользу и почему не сумел скрыться, Белка не знал. Но очень хотел знать, именно поэтому и согласился помочь хозе Александре проникнуть в Архив, когда эта дурочка захотела копировать Схемы... Белка искал следы Тото.

Неприятности не заставили себя ждать, снова пришлось податься в бега, но один след, слабенький, едва заметный, Белка Чуй отыскал. Царапина на маленьком ящичке, из миллионов которых и составлен Архив, попала на глаза совершенно случайно, но Белка давно не верил в случайности. Царапина слишком сильно напоминала символ на перстне, доставшемся Белке Чую от почти забытого врага, с этим трофеем он никогда не расставался. Когда-то Тото очень долго разглядывал перстень, но так ничего и не сказал. Много позже девочка с разноцветными косичками сказала о символе: «Истинная Руна». Петли Реальности стягивались в опасной близости от горла любопытного бродника.

Что со всем этим делать, Белка Чуй пока не знал.

Глава I

Москва-0

2 октября, утро

Сидя на широком подоконнике старого сталинского дома, хорошо слушать The Alan Parsons Project и разглядывать спешащих к метро людей. Хорошо, потому что можно ни о чем не думать. Особенно если идет дождь. Павлу это занятие настолько понравилось, что он предавался ему почти всякую свободную минуту. А таких было немало, ведь никаких дел не имелось совершенно, а дождей осенью сколько угодно.

– Пашка, ты не мог бы хоть иногда пластинку менять?!

Галя все чаще появлялась прямо в комнате, хотя когда-то договаривались, что она будет выходить из коридора. Ничего не поделаешь, новоиспеченная хоза вставала на крыло. Прошли те дни, когда девушка сутками лежала на кровати, прижимая пальцы к вискам. Научиться жить на два тела, сразу в двух мирах – трудно. Но в сущности легче, чем научиться ходить на двух ногах.

– Ты меня слышишь?

Павел рассматривал Галину. Получив власть, девушка изменилась и внешне. Нет, она еще не исправила себе вздернутый нос, не сделала губы пухлее, хотя порой подозрительно долго стояла перед зеркалом. Но вот одеваться стала иначе, сменила дурацкие разноцветные косички на затейливую прическу, перестала спотыкаться, двигалась легко и уверенно. Галя стала красивой. Только Павла это не радовало.

Sirius, так ласкавший душу, сменился на Бритни Спирс. Значит, где-то там, ступенью выше, в Москве-1. Галя освоила очередное заклинание. Павел не без злорадства заметил, как дернулась рука девушки в сторону колонок – это след от совершенных в другом мире пассов. Очень дурная привычка, как говорит Максимович.

– Ты обиделся на что-то?

– Нет, это ты, наверное, обиделась, – Павел спрыгнул с подоконника и выключил компьютер. На Бритни Спирс это не произвело ни малейшего впечатления, она пела не с MP3. – Перестань, Галя, ты же знаешь, что я ее не люблю.

– А я не люблю твою нудятину! Пойдем обедать, я все утро в одном кафе проторчала, рецепты рассматривала.

Музыка смолкла, Галя ушла на кухню. Она оставалась хорошей, славной девчушкой, и останется такой еще долго. Но изменений не миновать, Галя больше не человек. Оттого, что она так заботилась о Павле, может быть, даже любила, ему было только больнее наблюдать превращение Галины в хозу. В хозяйку мира. На самом деле она не рассматривала рецепты, а стояла, невидимая, за спинами поваров. Смотрела, пробовала, слушала... Скоро научится и заставлять обычных людей отвечать на вопросы, потом – работать на себя. Хоза входит во власть. И зачем ей какие-то рецепты? Еще месяц, и пища в их доме будет появляться тепленькой хоть из Парижа. Если, конечно, никто не схватит Галю за руку. Хозы не терпят незарегистрированных коллег, магия любит порядок.

Павел опять включил компьютер, принадлежавший прежде Грише: неизвестно куда запропавшему хозяину квартиры. Снова заиграла привычная музыка, но Павел быстро ее

выключил – ни к чему злить хозу. Порой даже жутко представить, на что она способна... Никаких преград, кроме моральных, почти полная власть над предметами и людьми.

С техникой Павел не слишком дружил, но забираться в интернет кое-как научился. Максимович какими-то своими способами проникал в сеть прямо из Москвы-1, присылал весточки. Знала ли о них Галя? Павел ей не говорил, она не спрашивала. Наверное, знала. Или еще нет? Из сети Паша не выходил целыми днями, благо в деньгах у них с Галей недостатка не было, и поэтому сразу увидел упавшее в почтовую программу сообщение, состоявшее из одного заголовка:

«Галя далеко?»

«На кухне!» – как можно быстрее отбил ответ Павел, радуясь, что колонки выключены и письмо пришло беззвучно.

«Жди сегодня Белку в гости, Гале не говори».

«А если она заметит?»

Письмо что-то долго не отправлялось и Паша даже постучал от нетерпения по столу, но тихонечко, воровато оглядываясь.

«Белка придет, когда Галя ляжет спать. Сам не усни только. Отбой».

Павел быстро постирал все сообщения и откатился на кресле от стола. Вовремя: Галя уже шла по коридору.

– Ты идешь или нет?! Пашка, я с тобой разведусь, если будешь таким унылым!

– Иду, иду...

«Разведусь!» Подумайте, какие нежности! Когда валялась сутками на кровати, когда тошнило постоянно, так не говорила. Потому что еще не была хозой. Пожалуй, Белка Чуй прав насчет их породы... От этой мысли Павлу даже стало стыдно и он постарался прибыть к столу с улыбкой.

– Как успехи, Галка?

– Нормально все! – начинающая хоза показала большой палец. – Жалко мне тебя, Пашка... Ведь зеркало у тебя в руках было! Надо было только в него посмотреться, и сейчас орудовали бы вдвоем. Сегодня будем есть фондю.

– Кого?

Кулинария – дело тонкое, и начинающему магу с ним связываться опасно. До сих пор Паша помнил о первом опыте Гали, после которого он несколько часов обнимал унитаз, жалея, что вообще появился на свет. Хоза вылечила себя сразу – видимо, побежала в Москве-1 к Максимовичу или Белке и они помогли. С тех пор Галя сначала пробовала все сама, но Паше о пережитом забыть было трудно.

– Не волнуйся, я уже ела.

– Когда успела?

– Ну... Успела.

Поди пойми этих хозов с их магией! Павел постарался успокоиться, обнял Галю и поцеловал в затылок. Все же это по-прежнему она, а что стала сильной, могущественной – так что это меняет? Только комплексы мужские шевелятся, спать не дают. А на самом деле надо радоваться. Любимая женщина, которая способна решить все проблемы. Что может быть лучше? Царствуй лежа на боку!

– Пашка, ты на меня ни за что не сердись?

Галя напряглась, голос у нее дрогнул. У Павла аж в горле запершило: все чувствует, дурочка хорошая.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже. Только ты... Будто по-другому ко мне относишься с каждым днем... Паша, я подумала: давай найдем где-нибудь еще одно зеркало, а? Ты отразишься, и станешь как я. И все будет хорошо.

Она обернулась, прижалась мокрым лицом к щеке.

– Конечно, Галя.

– Обещаешь?

– Все будет хорошо.

– Обещаешь отразиться?! Максимович сказал, что рано или поздно они придумают, как мне зарегистрироваться, ну, встать на учет в этом Архиве и все такое... Типа работать хозой, да? Вот и... Вроде того, что если все будет нормально, то я узнаю, где зеркало есть, или даже официально смогу тебя к нему провести. И... И тип-топ все будет, понимаешь?

Галя сыпала своими «типа» и «вроде», как прежде, когда они еще только познакомились. Но чтобы стать такой, ей пришлось сперва расплакаться. Галя-хоза за своей речью не то чтобы следит, а просто слова-паразиты куда-то сами от нее сбежали. Не прижились на принцессе, в которую она превращается.

«А я уживусь с ней?»

– Пашка, ну ты чего молчишь-то, а?..

«Конечно, нет»

– Пашка!!

И вдруг исчезла. Руки обнимали пустоту, и Павел не опустил их, постоял еще немного. Так и должно быть: пустота. Хозу нельзя любить ни человеку, ни такому же отраженному, как она. Они, по словам Белки Чуя, любить вообще не способны, и Павел верил ему.

– Обед отменяется... Или завтрак? Все равно отменяется.

Он вернулся в комнату и запустил Sirius.

Москва-1

2 октября, утро

Здесь было холодно. Траву и листья с ночи прихватила изморозь, на легком ветерке они, отяжелевшие, совсем не шевелились и лес производил впечатление сказочного и мертвого. Да таким он, в сущности, и был. Ник-Ник размашисто шагал по тропинке, вьющейся между толстых берез, из угла в угол рта медленно перемещалась сигара. Целая, толстая сигара, хотя в карманах полно любимых сигарных окурков. Но иногда следует изменять привычкам – в особо торжественных случаях.

Было почти тихо. Почти, потому что на самом пределе слышимости кто-то глухо ворчал, выл, рычал... Инфразвук какой-нибудь? Волосы на загривке от этих полузвучков становились дыбом. Пугают, или здесь всегда так? Ник-Ник шел нарочито не спеша. Не показывать испуг шакалам... А то ведь и в самом деле набросятся, что им Ник-Ник? Границы Власти города близко, а не достанешь. Тут царство Нечисти.

Обогнув ствол особенно толстого дерева, Ник-Ник увидел гнома. Маленький, но вполне пропорциональный человечек, стоял, скрестив руки на груди, и как мог презрительно смотрел в грудь гостю. Выше поднять голову он не мог: пропало бы все презрение, все же Ник-Ник детина роста супербаскетбольного, да еще и на каблуках. Хоз специально подошел поближе, навис черной грозовой тучей над малышом.

– Я пришел к Старшим.

– Ты – хоз по прозвищу Ник-Ник? – скрипучим голосом поинтересовался гном.

– Будто не знаешь!

Хоз, разыгрывая негодование, тряхнул пышной черной гривой и осыпал гнома перхотью. Тот не дрогнул, только сморгнул.

– Идем, хоз. Ведомство Тьмы ждет тебя.

Теперь они шли не по тропе. Все чаще попадались мухоморы, и Ник-Ник даже немного развеселился: ну что за показуха! Дважды пришлось преодолеть настоящие буреломы. Гном ловко протискивался в известные ему лазейки, а Ник-Ник всей тушей пер напролом, как танк. Плащ, однако, изрядно пострадал, хорошо хоть кожаные штаны выдержали. Даже одна из цепей, украшавших широкую грудь и еще более широкий живот Ник-Ника, зацепившись за сук, разлетелась на звенья.

– Золото? – на миг задержался гном.

– Металл, – неопределенно буркнул Ник-Ник.

– А то я гляжу, у тебя все пальцы в перстнях, черепа, драконы... – закивал провожатый, продолжая путь. – «Металл», значит...

Хоз только хмыкнул. Без поддержки с верхних планов было уже тяжеловато, появилась одышка. Но спросить, далеко ли еще, – проявить слабость. Темные не любят слабости... Или наоборот, слишком любят. По сторонам все также рычали да стонали, но никто не показывался. Наконец, оба как-то вдруг оказались перед огромным дубом. Между корней, как и полагалось, темнел вход в сырую пещеру.

– Туда?

– Туда, дорогой, – кивнул гном. – Пролезешь?

Ник-Ник последний раз яростно пыхнул сигарой и швырнул ее в гнома. Тот вдруг прыгнул навстречу, словно пес, поймал сигару широко распахнувшейся пастью и с удовольствием прожевал.

– Благодарствую, любезный. Иди однако, не задерживай, они не любят.

Пролезть внутрь и в самом деле оказалось нелегкой задачей, но спустя несколько шагов стены и свод раздались, Ник-Ник оказался в просторном помещении. Слишком просторном, чтобы располагаться под дубом. Пахло плесенью и еще чем-то, шибяющим в нос.

– Хозяева дома? – негромко поинтересовался Ник-Ник.

– Всегда дома.

Разом вспыхнула дюжина свечей, осветив пещерку. На пеньке (это под дубом-то?!) сидело человекоподобное существо в грязной хламиде и разглядывало старую, растрескавшуюся тарелку.

– Я Ник-Ник, хоз.

– А я – Бухаил, паровоз. Смешно?

– Да как сказать...

– Хоз смешнее, это верно. – Бухаил, если его и в самом деле так звали, повернул к гостю морду, которая не сошла бы даже за самое дегенеративное лицо. – Хоз... Это от слова «хозяин», а? Над чем хозяйствуешь, Николай Николаич?

– Над собой, – стараясь выглядеть достойно, но скромно, отвечивал Ник-Ник.

– Над собой! – восхитился Бухаил. – Ты слышал, Решето? Загадку запомни: пришел на двух ногах, сам себе хозяин. Что такое? Ответ: хоз.

– Глупая отгадка, – пробурчал пенек, на котором сидел Бухаил. Ник-Ник даже вздрогнул, когда в пеньке вдруг появился здоровенный желтый глаз. – Неправильная.

И они стали смеяться. Бухаил тоненько, задирая вверх морду и обнажая острые черные зубы, а пенек – глухо, прикашливая.

– Ну хватит уже! Я по делу пришел, забыли?

Пенек продолжал ухать, а Бухаил сразу посерьезнел.

– Как это: по делу? Ведомство Тьмы с вами никаких дел не ведет. Что-то ты перепутал, мил хоз. Давно головенку-то свою простукивал?

– Так зачем звали? Насмехаться не над кем? Вон, полон лес уродов!

– Те уроды нам за тыщу лет уж надоели, – признался Бухаил. – А ты будешь на новенького. Хоз, видишь ли... Да какой ты тут хоз? От города на версту отошел – и уж не хоз, а так, человечешко. А туда же: по делу! Какие с тобой дела? Волосья опалить да сожрать. Оброс ты, братец...

– Не братец я тебе! – захохотал Ник-Ник. – Кого смертью пугаешь?! Бессмертного?!

И снова засмеялись Бухаил и пенек Решето. Ник-Ник вышел из себя и сплюнул прямо на пол, хотел даже уйти, да опомнился. Куда тут уйдешь? Даже если темные отпустят, свои не помилуют. Феропонт ждет результатов.

– Ну чего закрутился? Или обиделся, что сесть не предложили, не попотчевали? – вкрадчиво спросил Бухаил. – А то, можа, тебе и баньку протопить? Какой-то ты грязный. Плащик рваненькой, в штанцах только от долгов бегать, а уж сапожки-то – позор один... Бабы сапожки.

Ник-Ник опять сплюнул и вдруг с маху уселся прямо в подозрительного вида мох, покрывавший «пол» пещерки.

– Хорошо, не с делом, с просьбой я пришел. Только просьба эта и вам будет интересна.

– Решето! Да наш мальчик умнеет прямо на глазах! – восхитился Бухаил и по-кошачьи спрыгнул с пенька, опустился на четыре лапы рядом с хозом. – Решето, не спи!

– Не сплю, – ответил пень. – Пусть говорит, сожрать успеем.

– Я ищу бродника. Рыжего бродника по имени Белка Чуй.

– А нам с того что?

– Перстень у него есть. А на перстне том... – Ник-Ник вытащил из кармана плаща приготовленный листок с рисунком. – На перстне – вот такой символ.

– Ну-кась...

Бухаил выхватил листок и, не глядя, протянул его за спину, показывая Решету.

– Чего?

Решето быстро проговорил что-то на неизвестном Ник-Нику языке.

– Ну мало ли кто что нарисует, – усомнился Бухаил и так же, не заглядывая, вернул листок хозу.

– Истинная Руна! – пояснил Ник-Ник и даже сверился с листком: тот ли? Тот. – Это же не шутки!

– Мало ли кто что от скуки случайно накорябает, – повторил Бухаил. – У тебя вон все руки в перстнях, мертвые головы да драконы, и что? Носи на здоровье.

– Нет, нет, нет! – помотал головой Ник-Ник, собираясь с мыслями. – Тот перстень не простой! Потому что... Вот послушайте!

Сириус вне времени и пространства

Григорий надраил специальной тряпочкой краники на кухне и в ванной, дверные ручки по всему дому, даже спусковой рычажок на унитазе. Пыль протер везде, полы мыл трижды. Постели заправлены, кантик набит, мебель выровнена по нитке. Вроде бы не к чему придраться.

– Кой черт занес меня к этим инопланетянам?..

Боясь трогать стулья, Гриша опустился на шкуру йети в гостиной и утер пот той же тряпочкой. Никаких часов он в доме Ййермуска не нашел, но предполагал, что немного времени еще есть.

– Бежать... – прошептал он. – А как бежать, куда бежать... Ничего не понятно.

Надо же было такому случиться: напиться пьяным и очнуться в спасательном боте, уносящем на Сириус руководителя неудавшегося Вторжения. В одно недоброе мгновение решиться бросить уютную квартирку в Москве, работу – глупость какая! К звездам захотел... Вот тебе звезды. Еще по дороге проклятый семипалечник заставлял и готовить, и убирать, и чуть ли не сказки рассказывать, зато обещал показать иной мир, чудеса миллионлетней цивилизации... И вот они, чудеса: устроил домашним питомцем, по совместительству домработницей, на Сириусе это обычное дело. Причем Гриша пошел на все добровольно, ведь в противном случае рассматривался бы как дикий зверь, подлежащий уничтожению.

Немного отдохнув, Гриша поднялся и задумчиво прошелся по комнатам. Дом в целом был довольно обычным. Ну, мебель немного другая, ну, полы не везде ровные (как же он измучился сушить лужи в углублениях! Неужели они за миллион лет не придумали хотя бы пылесосов каких-нибудь для этого?), ну, сантехника не под человеческие задницы приспособлена. В остальном – жить можно. Но вот за дверью начинался Сириус, да такой, что в страшном сне не приснится.

Граждане подразделялись на шестнадцать сортов, не говоря уж о «тиро», «блэро» и прочих заморочках, которые то ли расы, то ли нации... Каждый должен выполнять при встрече с соотечественниками довольно сложные ритуалы, которые роднило только одно: все они заканчивались совместным воплем «Слава Императору!» Как семипалечники не путались в этом бардаке, Гриша не понимал. А может, и путались... Во всяком случае рев на улицах стоял постоянно: «Слава!» да «Слава!» всю дорогу от космодрома они шли пешком, а это около пятнадцати километров, по Гришиным прикидкам, да еще на каждом шагу надо или кого-то приветствовать, или принимать приветствие, и орать, орать... Григорию тоже пришлось кричать, он потом два дня хрипел. Или больше? Тут не поймешь.

Ийермуск соглашался поговорить только в хорошем настроении, да и то вел себя поскотски, обзывал животным и врал, как геройствовал на Земле во время Вторжения. Из его отрывочных реплик Гриша узнал только, что Сириус – не планета, но и не звезда, и что грязному пятипалечнику этого не понять. Каждый вечер – или не вечер? – Ийермуск вдыхал не менее двух-трех баллонов с какой-то дрянью, заставлял Гришу маршировать по комнатам, а потом лез обниматься и плел какую-то чушь о своих неудачах при Императорском Дворе.

– Что ж все так по-идиотски-то? – печально спросил Гриша у висевшего на стене обугленного блюда, кажется, трофейного, с одной из уничтоженных планет. – Что ж за суперраса вырожденцев такая? Миллионы лет развития в дебилов...

В блюде что-то затрещало, потом зазвучала музыка, вроде бы знакомая Грише по какому-то фантастическому фильму. Только качество было поганым. Гриша осторожно снял блюдо со стены, рассмотрел со всех сторон. Судя по весу – довольно дешевая керамика, если вообще не пластмасса. Музыка между тем прекратилась, и голос, похожий на женский, стал что-то рассказывать то ли на одном из южно-китайских диалектов, то ли на еще более мудреном языке.

– Радиотарелка, – предположил Гриша. – Или, скорее, запись...

Внизу неожиданно громко хлопнула входная дверь. Гриша подскочил, завертелся на месте, хотел было повесить блюдо на место, но с ужасом обнаружил, что никакого гвоздя в стене нет. Когда нежданный гость вошел, он как раз пытался спрятать блюдо под нечто вроде дивана.

– Ты кто? – грозно спросил незнакомый высокий сириусянин в шитой золотом форме.

– Я этот... Домашний питомец господина Ийермуска, – выпрямился Гриша.

– Тогда ты дом должен охранять, – укоризненно покачал головой незнакомец. – Впрочем, от этой лапши разве дождешься выучки у личного состава? Где хозяин?

– Не могу знать.

– Это, слава Императору, верно, – кивнул гость, уселся на диван и вытащил наполовину спрятанное блюдо. – Ого, эксклюзивная вещичка! Марс, если память не изменяет.

– Марс? – дрожащим голосом переспросил Гриша.

Марс – это так близко к дому! Слезы навернулись бывшему программисту-надомнику на глаза. Сириусянин куснул блюдо в нескольких местах, принялся и сказал уже уверенно:

– Марс. А вот ты на марсианина не похож. У тебя только один позвоночник, я сразу вижу. Глаз наметанный... Землянин?

– Как вы догадались?! – Гриша решил удивиться, это должно было польстить семипалечнику.

– Да вот так и догадался! – сириусянин усмехнулся, откинулся на подушку и вытянул из-за спины трубочку, ведущую к баллону с газом. – Ийермуск с Земли вернулся? Вернулся. Питомца привез? Привез. Все просто, тупица живородящая. Ну а на втором плане Марса я еще поручиком побывал... Жарко было, дружок. Тебя звать-то как?

– Григорий.

– Гри-го-рий... – по слогам произнес сириусянин в рукав, где эти твари носили диктофоны, соединенные медными нервными волокнами со спинным мозгом. – В свидетели ты не годишься, пока не получил гражданства или хотя бы полугражданства... Хочешь, небось, стать полугражданином Сириуса?

– А это как? – заинтересовался Гриша.

– Это, слава Императору, пара пустяков. Полная очистка разума, шестнадцать циклов в строю и... Долго. Слишком долго, Григорий. Между тем мне приказано разобраться с делом твоего Ийермуска в течение миницикла... – он побарабанил по блюду всеми четырнадцатью пальцами и оно вдруг перешло на английский. – Ого, работает! Надо будет у него купить перед конфискацией. Вот что, питомец: передай хозяину, что приходил Лориклаксоз, блэро в седьмом поколении, свояк Керменштекса. Скажи Ийермуску, что он под коричневым домашним арестом, и таким образом не имеет права даже на самоубийство. Скажи также, что отвечать придется не только за проваленное Вторжение и погибшую армию, но и за брошенного на произвол судьбы старшего по званию, а это блюдо я хотел бы купить. Дешево купить, так и передай. Ну прощай, обезьянка.

Лориклаксоз, громко топая сапогами, убрался вон, а Гриша кинулся к блюду. Не сказать, чтобы он был силен в иностранных языках, но отдельные слова разобрать мог. Вот если бы они еще были напечатаны... Насладившись звуками знакомой, но малопонятной речи, Гриша принялся барабанить по блюду на все лады. Время от времени оно реагировало: то треском, то свистом, то вообще тишиной.

– Пальцев не хватает... – догадался Гриша. – Да что ж я за обезьяна такая?! Даже с марсианской техникой справиться не могу. «Чайник» в космосе.

Москва-1

2 октября, вечер

Несмотря на пакет экологических законов, более двадцати лет назад принятый по всему первому плану, проектный отдел Горстроя в Москве никто не распустил. Строить, положим, теперь стало практически невозможно, без техники много не нагородишь, но проектировать никто не запрещал. Зажги лучину, приколи лист из старых запасов, да и твори. Или просто возьми старый ватман и сотри с него предыдущее творение.

Миша чертил пирамиду. Огромную, могучую пирамиду, чтобы с орбиты было хорошо видно. Основание должно было полностью покрыть не только Москву, но и значительную часть области. Собственно город и окрестные поселения предстояло срыть, потом выровнять ландшафт и заложить фундамент. Какой именно материал использовать, Миша еще не решил, но на это время будет.

– Красиво! – восхитился неслышно прокрававшийся за спину начальник. – У тебя с каждым разом все лучше выходит.

– Да, – признал Миша, отойдя на пару шагов от кульмана. – Я еще хочу акварелью потом раскрасить.

– Здорово! А что это за уродцы такие на стенах?

– Это барельефы, изображающие подвиги Семьи во славу... – начал было Миша, но осекся. – В общем, никакие это не уроды.

– Ага... – кивнул начальник. – Вот что, Михаил, строитель пирамид. Мое терпение кончилось. Вот посмотри: все люди полезным делом заняты. Люда Колоннаду для нового здания Тайной Полиции проектирует, Надя снос верхних этажей домов обсчитывает, экономическую, блин, выгоду, Леночка карандаши точит. А ты в рабочее время пирамиды будешь акварелью раскрашивать?

Грозно сверкнул очами Миша, он же БЧР130163-65у, кель-фатх-шуршур двоединый. Но как объяснить этому человечку, что биорг, созданный на заводах Сириуса, не может думать ни о чем, кроме славы своего Императора?

– Короче говоря, ты уволен, Михаил. Талоны на паек сдашь Татьяне Викторовне.

Начальник пошел прочь, раздраженно фыркая. Миша, поразмыслив, решил пока его не убивать: силы нового Вторжения, безусловно, концентрируются где-то совсем рядом, но зеленой ракеты еще не было. Он аккуратно свернул чертеж, упрятал в тубус и с достоинством покинул здание. Талоны он, конечно же, никому не отдал: Татьяна Викторовна и так жирная, а сириусянским биоргам тоже надо кушать, они ведь не железные.

Темнело все раньше, и в городе, почти лишенном электричества, стремительно рос бандитизм. Поговаривали о каких-то странных существах, набрасывавшихся на людей и то похищавших, то выпивавших кровь, то сжиравших на месте. Газеты молчали, кажется, обо всем на свете, печатали только новые постановления правительства и дурные стишки во славу тех же постановлений. Миша попытался остановить дилижанс, но он оказался полон, кучер предостерегающе взмахнул кнутом.

«Из черепов! – вдруг понял он, шагая по грязной улице. – Из черепов ваших зальжм фундамент для пирамиды, вот как! Интересно, переведут ли меня в инженерные части за это ращпредложение?»

Биорг попытался представить, что вместо города, вместо всех больших городов на этой занюханной планетке, высятся пирамиды. Любой, пролетающий мимо да вострепешет: тут опустилса сапог Императора Сириуса, тут пронесли огнем и мечом цивилизацию верные воины Его! От этих мыслей перед глазами заплясали желтые звездочки и Миша постучал себя по левому виску: пока помогало, а вообще-то давно пора на профилактику. Хоть заводы и сириусянские, но сборка местная. Красная сборка.

По пути он решил заглянуть к БЧР170860-18к в булочную, заодно и талоны отоварить, все сразу. Пусть подавится и Татьяна Викторовна, и та ее племянница, что наверняка встанет за Мишин кульман. Он успел как раз вовремя: опасаясь нападений, БЧР170860-18к уже закрывал магазинчик.

– Слава Императору! – вне себя от радости заорал булочник, увидев непосредственного командира.

– Слава Семье! – скромно ответил Миша.

– Сириус навсегда!!

– Ну ладно, не пугай прохожих. Задержись немного, Костя, дело есть.

– Входи, входи! – Похожий на постаревшего херувима Костя пропустил биорга внутрь и закрыл дверь на засов. – Николай как раз пришел, мы тут с ним это... Зависаем.

– Ага... – кель-фатх-шуршур сдвинул было брови, однако решил не сердиться. Все же они в данный момент законсервированная боевая единица, и должны вести себя как люди. Людям же их возраста и положения свойственно «зависать».

На столе, помимо огурчиков, исходящей паром кастрюльки с картофелем и высокой бутылки с мутным напитком, обнаружилось блюдечко с крохотными окорочками. Это уже всерьез не понравилось Мише.

– Опять лягушки? Послушайте, бойцы: Император доверил вам эти тела не для того, чтобы вы их погубили в мирное время.

– Здравствуй, БЧР130163-65у! – сердечно приветствовал его Николай, последний уцелевший член подразделения. – Слава Императору! Сириус навсегда! Я больше ничего на рынке не нашел... И потом, мы тебя, дорогого гостя, не ждали совсем.

– А я пришел! – Миша сел во главе стола и раздраженно захрустел лягушачьей лапкой. – До чего же эти дикари первый план довели? Лягушек жрут...

– По сообщению правительства, пакет экологических законов уже скоро приведет к значительному снижению демографической нагрузки, и станет легче, – сообщил булочник, усаживаясь рядом. – Проще говоря, скоро людишки повымрут, и всем будет хорошо.

– Они-то могут повымереть, а мы не имеем права! – стукнул по столу Миша. – Приказываю поднять боевой дух!

– Сириус навсегда! – хором рявкнули биорги и действительно приободрились, потому как ослушиваться приказов их модель не умела.

«Счастливые... – подумалось кель-фатх-шуршуре. – А мне вот так приказать некому...»

Рука сама потянулась к нагрудному карману, где лежала бумажка с записанным PIN-кодом. Во время неудачного похода в Москву-0 некий программист Григорий все же исхитрился по просьбе подчиненных взломать мозги кель-фатх-шуршура и отменить приказ вышестоящего командира. Потом Миша, конечно же, приказал им PIN-код забыть, но для себя записал. С этим кодом можно внедрить себе в голову любой приказ, но доверять такое дело двум олухам не хотелось. Мало ли на какую измену пустятся, низшие чины.

– Кстати, – сказал он, когда биорги пропустили по первой за Императора. – Костя, отоварь мне талоны батонами какими-нибудь. Все сразу.

– А нету, – вздохнул Костя, хрустя огурцом. – Муки сегодня вообще не привозили. Распродал вчерашнее, да и то из-под полы: на фига мне талоны? Вот самогону взял, картошки.

– Лягушек я принес, – не к месту встрял Николай. – Меня с завода турнули, так я инструмент прихватил. Продам, правда, по цене лома... А кому теперь отвертки нужны? Уже все что можно, развинтили.

– Молоток надо было спереть, – посоветовал булочник, наливая по второй. – Хороший молоток всегда нужен. Ну, боевые товарищи, за Семью!

– Молоток раньше меня уперли.

Они выпили, и Миша почувствовал, как отчаяние охватывает его душу. Как легко было жить прежде, не помня ничего. Но после пробуждения о звездах уже не забудешь. Пусть Вторжение не задалось с самого начала, пусть просчиталось командование в своих играх с хозами и темными, но как это было славно: шагать навстречу смерти плечом к плечу, славить Императора локоть к локтю!

– Между Сириусом и Семьей перерывчик небольшой! – неумело балагурил Николай, разливая самогонку. – А что лягушки? Ничего, сожрем, не французы чай. Лягушек под Москвой полно!

– Дурак. Зима скоро... – Миша помакал картошку в соль. – А помните, как у этого программиста, у Гришки, с Пашей и Галей разговелись? Совсем другое было меню. Славно мы тогда законспирировались.

– Хорошие люди, – кивнул Костя. – И место неплохое, эта Москва-0: воздух грязный, а жратвы навалом. Да, нулевой план – это вещь. Между прочим, мне свою земную семью кормить теперь нечем, булочная-то закрывается. Навязались тоже на голову биоргу... Какие будут приказания, командир? Пристрелить?

– Отставить. Мы должны ждать зеленой ракеты на легальном положении.

– Особенно когда холода на носу, – поддакнул Николай. – Меня тоже жена замучила: дочке одежду надо зимнюю, растет, а на какие шиши покупать? Про завод она еще и не знает, я сразу сюда...

– Будем искать выход! – взял на себя ответственность командир.

– Будем! – выдохнул Костя, поднимая стакан, и только Николай успел вставить:

– Сириус навсегда!

Санкт-Петербург-1

2 октября, день

Бухаил отчаянно торговался. Казалось бы: как можно торговаться, даже не переходя к обсуждению условий? Но темный начал с самого начала, с позиций.

– Кто ты такой? – выкрикивал он, бегая на четырех лапах по пещерке, иногда забираясь и на стены. – Хоз! Вы подумайте только: приходит волосатый мужик в черном, гремит цепями и говорит: я хоз! На рынке так права качай!

– Я хоз, – не сдавался Ник-Ник. – И ты знаешь, что это больше, чем человек.

– Да чем же?!

– Я бессмертен.

Глухо захохотал Решето. Пень он или что-либо еще, Ник-Ник так и не разобрался пока, поэтому никак не отреагировал.

– Какой же ты бессмертный?! – подскочил к хозу Бухаил. – На план поднялся, потом еще на один, поиграл с этим дурацким зеркальцем – и уже бессмертный?!

– У нас нет иного пути к бессмертию. – Ник-Ник старался остаться вежливым, хотя очень тянуло схватить эту тварь и вывернуть наизнанку. Тоже мне, Старшие темных! Чучело, да и только. Но вне Границ Власти, вдали от города, хоз почти беспомощен. – Я обманул смерть.

– Ты обманываешь себя, ничтожный! Если зеркало позволяет тебе отражаться и тем жить в нескольких мирах, если ты с верхнего плана всегда можешь обеспечить себе безопасность и здоровье на нижнем – хотя всегда ли?! – то разве это значит, что ты обманул Ее?! Ох, да Она сама сдохнет со смеху, когда я ей расскажу. А хочешь, познакомлю вас? Хочешь?!

– Я в ваши дела не лезу, – так же с достоинством отвечал Ник-Ник.

– Боишься! – захихикал Бухаил. – А ты не бойся, все равно однажды с Ней свидитесь. Бессмертный, вы подумайте! Но ведь на самом верхнем плане ты обычный, самый обычный человечиска. И как бы высоко не поднялся, на скольких бы планах не обрел могущество, на самом верхнем все равно будешь ничтожен. Все равно, семь у тебя отражений, или сто двадцать семь. Верно?

Ник-Ник вздрогнул. Угадал Бухаил или ляпнул наугад? Да, семь, всего семь отражений есть у Ник-Ника, всего семь одновременных жизней, шесть из которых – жизни магов. И только верхняя – человеческая, беспомощная, исполненная страха. Откуда он узнал? Хозы никогда не говорят о таких вещах.

– Верно, – кивнул сам себе Бухаил. – Отразился, и давай оттуда вниз волшебство творить, на голове ходить, над городом летать, да на людей оттуда срать... Но на самом верху ты – червь, на задних лапках перед тамошними авторитетами прыгаешь. Сколько тебе лет, Ник-Ник?

Хоз молчал, пауза затянулась и даже Решето перестал ухать.

– Испугался?

– Просто не твое дело.

– Да я сам вижу: не больше трехсот. А то и меньше...

– Меньше! – прогудел Решето, опять распахнув желтый глазище.

– Даже меньше! – заржал Бухаил. – А мнит себя бессмертным, а?! Да если бы ты на брюхе не вымаливал себе омоложение у своих, что поопытней, повыше, как бы ты вообще жил на седьмом своем плане? От старости скопытился бы! – Бухаил аж завизжал от восторга. – От старости!!! А ты, значит, ползаешь там перед каким-нибудь Феропонтом или Грузином и просишь: дай молодости, махни планом выше ручкой, дай здоровьица, сохрани!..

Ник-Ник опустил глаза. Что он работает на Феропонта, допустим, отследить было не так уж трудно. Задача: найти бродника Белку раньше Грузина. Грузин из кремлевской группировки хозов, с которыми у адмиралтейских война. Не случайно упомянул его Бухаил, ох, не случайно... Все знают, твари непостижимые.

– Вот и все твое бессмертие! – торжествовал победу темный. – Выпрашивать себе отражение за отражением, ползти, червяку, план за планом наверх. А там... Даже рассказывать тебе не буду, что там, наверху. Тебе этого знать не положено, червяк. Но подумай: неужели так будет продолжаться вечно? В лучшем случае ты станешь самым старым, самым высоким хозом, поднимешься выше всех. И что же? Сдохнешь там от старости, потому что некому будет помочь, омолодить. А не лезть на самый верх ты не сможешь, и я тебе глаза открою: тебя туда вытолкнут свои же, если попробуешь остановиться! Хотя что говорить... Не дожить тебе. Я вижу.

Бухаил враз посерьезнел и Ник-Ник отчаянно захотелось отлить, прямо сейчас. Он начал тихонько раскачиваться, стараясь не допустить на лицо гримасу.

– Бессмертный... Да вы смерти боитесь во сто раз сильнее обычных людишек. Потому что у них нет шанса, а у вас – есть. Только шанс ваш – обманной... И ведь не знаете, что с вами, магами недоделанными, после смерти-то будет... Не знаете, а как боитесь... Вот ты говоришь: Истинная Руна на перстне, – вдруг сменил тему Бухаил, насладившись моральным уничтожением будущего делового партнера. – А что ты знаешь об Истинной Руне? Ничего, я же вижу. Где-то что-то слышал. Зачем она тебе вообще нужна?

– Мне нужен бродник Белка Чуй, очень нужен. – Ник-Ник сунул руку в карман плаща и там отчаянно сжимал и разжимал кулак. Да что с его пузырем случилось?! Ведь специально всю жидкость загодя вывел. Наверняка проделки темных. – А вам нужен перстень. Я знаю, он не простой, бродник ерунду носить не станет.

– Как знать? – пожал узкими плечами Бухаил. – Как знать... Но допустим, я заинтересовался этим перстнем. Ты мне теперь зачем? Уже все сказал. Найдем мы теперь бродника, разберемся с ним, ну а тебе – спасибо скажем.

– Бродника не так легко сцапать! – почти прорычал Ник-Ник, меняясь в лице. – Он скачет по планам, как белка по веткам, он сам – Белка! Мы должны объединить наши усилия.

– Вот оно что! – ухмыльнулся Бухаил. – Слышал, Решето? Ник-Ник нам помощь предлагает.

– А если мы его на этом плане сожрем, он внизу снова отразится и появится? – поинтересовался пень.

– Нет, хозы только разок всего и могут отразиться.

– Так давай сожрем и закончим с этим. Я боялся, что он снова надоедать придет, а если так...

– Мне надо выйти! – вскочил Ник-Ник, уже не заботясь о производимом впечатлении. – Я быстро! Я в лес!

Когда он, с шумом продираясь через узкий вход, скрылся, мох на полу вздохнул. Бухаил взбежал на стену, Решето закрыл единственный глаз.

– Вот что... – прошептал безумно старый, тихий голос. – Пообещайте ему то же, что и Грузину.

– Свяznego попросит, помощника, – быстро сказал Бухаил. – Грузину вампиршу ту отдали, Зинаиду бестолковую, а этому кого? Своих жалко! Разболтают в городе чего не следует...

– Гнома приبلудного отдайте. Агши.

– Не верю я ему! – на миг распахнул глаз Решето. – Не просто так из Москвы сбежал, болотами полз!

– Клятвы Тьме не нарушал, – ответил мох. – А верить не будем, смотреть будем и ждать. Здесь он не нужен, пусть идет.

– Грузин сильный хоз! – со стены крикнул Бухаил. – А этот – малявка. Грузин его сожрет!

– На плечах Ник-Ника Феропонт едет, он Грузину ровня. Пусть жрут друг друга. Пусть ищут. Хочу перстень.

– Да, Старший! – хором ответили темные, и мох перестал шевелиться.

Москва-0

2 октября, вечер

Белка появился почти сразу после того, как Галя начала посапывать. Павел едва успел выбраться из постели и натянуть трусы, как дверь приоткрылась.

– Развлекаемся? – зловещим шепотом протянул бродник и поманил Павла в коридор. – Ну-ну. Скоро ты ей надоешь. Или начнет над тобой эксперименты ставить, очень личного характера.

– Не сыпь мне соль на рану, – попросил Паша, притворяя дверь в комнату. – Она только что уснула, ты мог с ней столкнуться.

– Нет, теперь ее график ясен. Галенька не спит одновременно на обоих планах, все хозы однажды через это проходят. Им становится страшно, понимаешь? И тогда одно тело начинает караулить другое. Они же связаны, чувствуют друг друга... Галя на первом плане легла еще днем, ну а как проснулась – значит, на нулевом плане можно расслабиться. Хорошо, что она еще молодая, неопытная, а то бы слышала все, что происходит в комнате, даже когда спит. Что здесь? – Белка Чуй заглянул в заварной чайник, принялся и скривился. – Это не чай. Это... Вылей немедленно.

– Белка, давай потом, а? Ты же по делу пришел?

– Ну... Вроде бы. А ты созрел?

Белка Чуй оставил в покое чайник и уставился на Павла, будто видел его впервые в жизни. Бродник был примерно на полголовы выше, а просторная кожаная куртка делала его еще и массивным. Паша даже попятился под пристальным взглядом странных желтых глаз.

– Куда созрел?

– Не понял еще, зачем Максимович с тобой возится? – Белка тряхнул соломенной шевелюрой, по форме напоминавшей стог той же соломы, но после урагана. Он сбросил с плеча неизменный рюкзак и присел на табуретку. – Пора учиться прыгать, Паша.

– С плана на план?

– Ну не через скакалочку же! Максимович когда-то давно еще заметил по своим свечкам-склянкам, что петли Реальности стягиваются, стал следить, и нашел в середине петли тебя. Он же говорил тебе об этом!

– Ну да, приходил как-то во сне... – Паша почесал затылок, зачем-то ощупал карманы джинсов. – Так я – бродник, как и ты?

– Пока нет. Но если петли вокруг тебя стягиваются, то уж, наверное, ты им зачем-то нужен, этим петлям, в которых я ничего не понимаю, – сделал Белка несколько неопределенный вывод и достал из рюкзака трубочку. – Максимович сказал: попробуйте. Я покурю, а ты будешь учиться. Значит, сначала тащи сюда зеркало из прихожей, только Галю не разбуди.

Ступая на цыпочках, Паша в полутьме нашарил овальное зеркало и снял его с гвоздя. Вернувшись на кухню, он установил его прямо на плите, упер нижним краем в конфорки. Получилось довольно устойчиво. Белка Чуй уже вовсю пыхтел трубкой, наполняя помещение ароматным и немного кружащим голову дымом.

– Что ты там видишь?

– Себя. – Паша пригладил отросшие темные волосы. Щеки потемнели от щетины, под носом недельного роста усы. И без того довольно худой, он теперь выглядел каким-то измученным. – Так себе картинка.

– Это точно, – хмыкнул Белка. – Теперь вот что: если есть вопросы – задавай, Максимович просил меня ответить. Только быстро, потому что хозы могут засечь мое пребывание в Границах Власти Москвы, и тогда дело примет ужасный оборот.

– Вопросы?.. Да ты расскажи сперва хоть что-нибудь!

Ох, не зря Максимович говорил: «Белка очень хороший, но с ним надо осторожно обращаться. Он и убить может, и не всегда понимает, что делает».

– Белка, не будь ребенком, а? – попросил Павел. – Расскажи, что делать!

– Сам не будь ребенком! – бродник подскочил, словно ужаленный, и даже замахнулся трубкой на Павла. – Понял?! Сам не будь!

– Да тише, что я такого сказал? Просто я не знаю, о чем спрашивать.

– Значит, ты бестолковый!

Белка отвернулся к окну и сосредоточенно запыхтел. Скорчив ему рожу, Паша снова посмотрел в зеркало. Ничего примечательного: довольно ровное стекло, только немного вытягивает. Может, в этом дело? Павел наклонил голову, чтобы отражение растянуло щеки. Нет, не похоже оно на зеркало Грохашша, отразившись в котором, люди становятся хозами и начинают жить в двух мирах одновременно. Обычная вещица.

– Белка?..

– Ну что – Белка? Ты же сказал, что я ребенок – вот и думай теперь сам, как и что.

– Я такого не говорил.

– Значит, ты сам ребенок. Бестолковый к тому же. Ладно, так и быть...

Бродник довольно грубо схватил Пашу за шиворот и подтащил к самому зеркалу, едва не ткнул в него носом.

– Это проще всего, – он почему-то перешел на шепот. – Мы сейчас на нулевом плане, самом нижнем. Тебе надо прыгнуть на первый. Там тоже есть похожий дом, похожая квартира, а в ней, в прихожей, висит примерно такое же зеркало.

– Точно?..

– Скорее всего. Ну, то есть... Я проверил, висит. Для прыжка надо знать, что тебя окружает, знать место. Но когда не знаешь, куда прыгаешь, то делай вот так: прижмись к зеркалу, чтобы видеть только себя, и думай о зеркале, которое ближе всего к этому на другом плане. Это я все сам придумал, сам... – Белка дышал Павлу в самое ухо. – Это мой личный секрет, и ты не смей никому о нем рассказывать. Теперь я отойду, а ты зажми уши, чтобы ничего не слышать, потом, когда устанешь смотреть, глаза тоже – и прыгай.

– Как прыгать? – тоже шепотом спросил Паша.

– Как прыгают?.. Только не высоко, а легонечко: скок...

Белка Чуй на цыпочках отошел назад, а Павел, глядя в отражение своих глаз, слившееся во что-то мутное и единое, про себя обругал его всеми известными нехорошими словами. Разве так учат? Он зажал уши, попытался представить себе, что как только подпрыгнет, то из-под него быстро уберут эту квартиру и подставят какую-то другую... Но какую и что там делать? Глаза заслезились. Поняв, что ничего не получится, Паша опустил веки, вздохнул и чуть-чуть подпрыгнул, лишь на долю секунды оторвав подошвы от кухонного линолеума.

Тут же его каблук стукнулся о паркет. Павел открыл глаза, отнял ладони от ушей. Громко тикали часы – в квартире Гриши, где они с Галей проживали после исчезновения хозяина, таких не водилось. Он выпрямился и понял, что уже не нависает над кухонной плитой. Зеркало, перед которым Павел стоял, было одной из створок обшарпанного шкафа-купе. Он обернулся и оказался перед раскрытой в темную комнату дверью. Там кто-то заскрипел пружинами, всхрапнул...

«Где этот идиот Белка?! – пронеслось в голове у Паши, пока он медленно крался по неосвещенному коридору в сторону предполагаемой кухни. – Куда я попал?»

Никакой радости от свершившегося чуда Паша в тот момент не испытывал. Стеклозванная дверь задрожала от прикосновения пальцев, кто-то в комнате снова всхрапнул. Сердце забилось чаще: а если хозяин проснется и спросит, что в его квартире делает незнакомец? Законов этого мира Павел не знал, но помнил по рассказам Максимовича, что планы порой сильно отличаются друг от друга.

Он попятился назад в прихожую, на ощупь нашел дверь. Замки, к счастью, оказались знакомого типа. Только выбравшись на освещенную почему-то голубоватым светом лестничную площадку, Паша перевел дыхание, нервно закурил и огляделся.

Он действительно куда-то прыгнул. Ступени здесь были ниже, чем он помнил, перила из какого-то материала, больше всего напоминавшего стекло. Но хуже всего, что через окно Павел увидел, как внизу проехала машина. Он даже слышал, как в ночной тишине работает мотор. А вот этого быть никак не могло: Москва-1, или же первый план, по уверениям Максимовича жил по неким экологическим законам, почти полностью исключавшим использование не только двигателей внутреннего сгорания, но даже и электричества.

– Ну спасибо тебе, Белочка... – прошептал Павел, дрожащими пальцами нащупывая сигареты. – Удружил. Ищи теперь меня, ищи быстро, а то как бы чего не вышло.

Здесь оказалось гораздо холоднее, чем в Москве-0, изо рта так и валил пар. Павел хотел было пристроиться на батарее, но их в подъезде просто не оказалось.

– Здравствуй, новый мир!

Глава II

Сириус, вне времени и пространства

От Ийермуска Гриша ждал чего угодно, но сириусянин исхитрился удивить даже его: взял, да и упал в обморок. Питомец не придумал ничего лучше, как раздобыть воды – она в этом инопланетном жилище текла только из бачка в туалете, что всегда бесило Гришу, – и прыснуть на Ийермуска. Тот очнулся, но с таким воплем, что землянин предпочел закрыться в хозяйской спальне и подпереть дверь стулом. Насколько Гриша понял, вода была не совсем обычной и Ийермуск получил ожоги средней тяжести.

«А я, значит, пью эту гадость, и никто ни полслова не скажет?..»

– Открой, скотина! – визжал за дверью хозяин уже после того, как обмазался коричневой зловонной субстанцией из аптечки. – Открой, или я тебя пристрелю! Или через дверь пристрелю, но лучше – открой!

Гриша даже испугался, но кортик, личное оружие Ийермуска, из которого он действительно мог продырявить даже кита, висел на стене в спальне.

– Господин Ийермуск, я же хотел вам помочь!

– Чем можно помочь мне теперь?! – возопил сириусянин и вдруг ударился о дверь всей тушей. – Слава Императору, мне уже ничто не поможет... Домашний арест без права самоубийства! Гриша, хоть ты меня пойми: это же конец! И за что?!

– Он сказал: в основном за оставление без помощи старшего по званию или что-то вроде того, – как мог припомнил Гриша. – Кстати, они родственники.

– Вот! Сплошное кумовство... Но ты-то ведь знаешь, что я героически сражался, а покинул вашу планету только оставшись без связи! Я прилетел сюда за помощью, просто не было пока времени обратиться в Министерство... Открой, Гришенька, мне плохо.

Периоды агрессии проходили у сириусянина довольно быстро, и в минуты, когда он, жалкий и растерянный, готов был просить прощения у всего мира, кто-нибудь даже мог подумать, что он неплохой мужик. Но Гриша, которого Ийермуск порой постукивал слабыми разрядами из кортика просто в профилактических целях, начав эту традицию еще с совместного полета на спасательном боте, вовсе не считал Ийермуска достойным доверия. Поэтому прежде чем открыть, питомец спрятал кортик хозяина. Впрочем, сириусянин на стену даже не взглянул, сразу улегся в кровать.

– Принеси мне баллон, Гришка, – чуть более твердым голосом приказал он. – Да не красный, а зеленый. Или нет, оба тащи. Пропади все пропадом. Это конец, я буду публично эволюционирован.

– Что? – заинтересовался Гриша, устанавливая баллоны рядом с хозяином. – Куда они вас?

– Они меня в... Нет, я не хочу об этом говорить.

Некоторое время Ийермуск сосредоточенно посасывал то из одного, то из другого баллона, лицо его серело, на шее набухали черные мешки. Если бы Гриша не видел сириусянина пьяным прежде, то мог бы здорово испугаться.

– А что со мной будет? – осторожно поинтересовался он.

– На консервный завод пошлют.

– Работать? – с надеждой спросил Гриша, но Ийермуск вместо ответа принялся хохотать, и землянин едва не трахнул его по голове баллоном.

Дело принимало совсем уж скверный оборот: о консервных Императорских заводах слава ходила самая недобрая, и как ни мало знал Гриша о таком странном местечке, как Сириус, даже его эта слава настигла. Именно продукцией этих заводов Ийермуск его кормил, утверждая, что это универсальное питание для действующей армии. Гриша страдал, но ел какую-то зеленую дрянь, ел до тех пор, пока не нашел в одной из банок пуговицу. С Гришей тогда случилась небольшая истерика, но Ийермуск посредством слабых разрядов из кортика и короткой лекции убедил его, что людей зеленых не бывает.

– Но пуговицу могло создать только разумное существо! – тихо рыдал программист.

– А другие на наши консервные заводы и не попадают, – даже оскорбился Ийермуск. – Жри что дают, ведь это подарок тебе с далеких звезд... – Он прочел этикетку: – «Туманность Андромеды славит Императора Сириуса!» Вот и там воцарилась справедливость. Неужели ты окажешься настолько недостойным, что позволишь отдавшему для тебя жизнь андромедянину отправиться на помойку несъеденным? Его не вернешь, а я, слава Императору, достаточно богат, чтобы покупать тебе сириусянскую еду. Да и сдохнешь ты от нее, сказать по правде, в страшных муках.

Гриша нащупал на груди андромедянскую пуговицу, которую носил на шнурке то ли в качестве амулета, то ли просто сувенира, и покачнулся. Вот так однажды кто-нибудь найдет в банке и молнию от Гришиных брюк...

– Ийермуск, а почему ты не пойдешь во Дворец, не пожалуешься кому-нибудь?

Сириусянин даже не обратил внимания на невежливое обращение.

– Все это Имперское время, что мы здесь, я только и пытаюсь, что добратся до кого-то, кого можно о чем-то попросить... Но я лишь тиро и всего-то в третьем поколении... К тому же, баловался стихами, написал когда-то лишнее, вот и сослани на Землю, Вторжение готовить... Как последнее чмо, можешь себе представить?

– Могу, – кивнул Гриша. – Тогда давай сбежим.

– Куда, идиот?!

– На Землю. Я тебя там спрячу! – у программиста даже глаза загорелись. – В деревне, у тетки!

– Какое же ты животное... – поморщился Ийермуск. – Я под домашним арестом. Приказы Императора не обсуждаются. Еще баллон! И где, звездная смерть, мой кортик?!

Григорий ногой подальше затолкал оружие под диван, принес хозяину сразу два баллона и отсел подальше, к круглому маленькому окошку. Через окно было видно дорогу, по которой время от времени маршировали роты биоргов всевозможных неземных образцов. Первые дни Гришу это зрелище занимало: осьминожки всякие, трехногие хоботатые, нечто вроде кентавров из горилл и ослов... Потом он устал. Сириус остался для него совершенно непонятным и, что обиднее всего, сам Ийермуск похоже тоже ничего не понимал и понимать не желал. Только одно и слышишь со всех сторон: Слава Императору! Владыка где-то во Дворце, в банке с раствором...

«Ну что за идиотское местечко! Может, они зомбированы, как биорги?»

– Хозяин!

– А?! – задремавший Ийермуск сжался в комок. – Уже?!

– Это я. Ийермуск, а может, тебя как-нибудь раскодировать можно?

– Не понял?

– Ну снять какой-нибудь блок, и ты согласишься сбежать... – Гриша на всякий случай переместился поближе к двери.

– Как же ты не понимаешь простых вещей, унтерменш? Там, вне Сириуса, никакой жизни нет. Там только имитация... Все эти ваши Земли, Марсы, Андромеды... – Ийермуск перевернулся на бок, сдернул со стены ковер и накрылся им. – Слава Императору, есть хоть Сириус... Сириус навсегда...

– Тупая империалистическая скотина, – негромко сказал Гриша, когда сириусянин захрапел. – Не хочу я на консервный завод.

Он полез под диван искать кортик и нащупал говорящее марсианское блюдо. Совсем забыл про него, а ведь хотел расспросить Ийермуска, когда успокоится. Прихватив с собой и его, Гриша пошел готовиться к побегу. Через дверь не выйти, силовое поле пропускает лишь хозяина, да, как выяснилось, представителей власти. Значит – окно, выходящее на тихую, почти симпатичную помойку. Правда, завалена она была вещами довольно подозрительными, и время от времени там пробегали еще более подозрительные многоногие твари... Однако Гриша очень не хотел на консервный завод. Он достал плазменные простыни Ийермуска и начал осторожно резать их кортиком.

Москва-7

2 октября, ночь

Белка Чуй едва не рехнулся, отыскивая Павла на планах. За всю жизнь ему не доводилось делать столько прыжков за несколько часов, даже когда удирали от хозов. В Москве-0 Белка отошел в угол кухни и отвернулся, тоже зажав уши и зажмурившись: когда бродник прыгает, никто не должен его видеть. Максимович говорил, что наблюдатель каким-то образом влияет на Реальность, но Белка подробностями не интересовался, просто знал, что свидетелей прыжка быть не должно.

Постояв немного, Чуй обернулся и не без удивления обнаружил, что Павел исчез.

– С первого раза! Дуракам везет. – Он все еще не простил Пашу. – Бестолковый ребенок... Перепугался небось! Ничего, дядя Чуй поможет.

Белке для прыжка зеркало не требовалось, он знал, куда идет. Метро на первом плане давно и навсегда было закрыто, но вход остался, именно туда бродник и перенесся. По ночам в неосвещенном городе гулять было не принято, и появившегося на ровном месте парня с рюкзаком никто не заметил. Белка быстро вернулся к дому, взбежал по точно такой же, как и на нулевом плане, лестнице на второй этаж и просто постучал в дверь.

– Пашка, открывай!

В квартире заохали, загремели. Белка постучал сильнее.

– Открывай, бестолковый ребенок!

И дверь открылась. За ней оказался дюжий мужик в халате, целящийся в ночного визитера из арбалета. За его спиной маячили какие-то тени, мелькнул длинный клинок...

– У вас чужих в квартире нет? – осторожно поинтересовался Белка, отступая на шаг.

– Нет, – отрезал мужчина с арбалетом.

– Тогда я пошел. – Бродник быстро отступил за угол и уже оттуда во все горло заорал: – Пашка!!! Ты там?!!

– Какого тебе еще Пашку, головорез! – мужик с арбалетом явно придвигался поближе, а чей-то тонкий, хрипловатый спросонок голос уже кричал вниз, привратнику:

– Васильич! Живой или спишь?! Что за люди в подъезде?!

Бродник, более не прислушиваясь, побежал вверх по лестнице. Кажется, внизу все же спустили тетиву, послышался глухой удар, звук осыпающейся штукатурки.

«Ну. Пашка, ну, гад!» – Белка скакал через ступеньку, увеличивая отрыв от возможных преследователей. – «Где же тебя теперь искать?! А я и забыл, какие они тут пугливые стали... Средневековье, ити его!..»

На последнем этаже бродник зажал уши, зажмурился, постарался успокоить дыхание и представил себе ярко освещенный подземный переход. Москва-2, второй план, там хоть из арбалетов не пуляют во всех незнакомых. Прыжок удался, и Белка с облегчением перевел дух. Рядом о стену облокотился мужчина. Мужчина сосредоточенно мочился, в свободной руке у него имелась бутылка.

– Другое дело! – шумно выдохнул Белка и утер пот.

– Ась?.. – мужчина оглянулся. – Ну извини.

– Фигня, не отвлекайся.

И Белка Чуй начал поиски. Он скакал по планам, каждый раз появляясь то возле входа в метро, то в подземном переходе, то у памятника длиннородому мужчине – отчего-то планы разнообразием не баловали, и это оказалось весьма на руку. Каждый раз бродник выбегал и поднимался на второй этаж. Иногда двери в подъезде были открыты, иногда их требовалось сломать, да еще поругаться с привратником. К счастью, «пакет экологических законов», кроме Москвы-1, пока нигде не приняли, и жители квартиры на втором этаже ограничивались вызовом полиции. Но когда блюстители приезжали, Белка был уже далеко.

Павел нашелся в Москве-7, возле подъезда, озябший и злой. На снегу вокруг него вились длинные цепочки следов.

– Белка! – только и сказал прыгающий бродник-новобранец. – Белка, какая же ты сволочь!

– А ты ребенок неразумный, – усмехнулся Чуй. – Кто тебя просил так далеко прыгать? Так же никто не делает... Хлебай.

Белка, большой любитель чаев и Табаков, носил в рюкзаке несколько небольших фляжек и с напитками покрепче. Одну из них Павел осушил, и только тогда почувствовал себя лучше.

– Почему холодно так?! Тут, что, ледниковый период?

– Да нет, погодная аномалия какая-то, циклон-антициклон. – Белка застегнул свою куртку на все пуговицы и совсем не мерз.

– Пошли куда-нибудь, а? Только вместе.

– Вместе ты не умеешь, это особое дело, только Максимович умеет со мной прыгать. А зеркало ты, конечно, взять не догадался... – Белка Чуй вздохнул, повернулся спиной к ветру и принялся набивать трубку. – Очень опасно мне тут находиться, в Москве. А на этом плане просто не знаю, кто и хозяин в городе. Заметят хозы – придется удирать, тебя бросать... Да и успею ли?

– Что делать-то? – Павел опять стал прыгать, подняв воротник рубашки.

– Надо тебе пока здесь посидеть, а в другой раз лучше подготовимся. Я же не знал, что ты такой... Ребенок. Вон парк через дорогу. Посидишь там до утра?

– Ты с ума сошел?! Холод собачий!

– Ага... – У Белки в голове мелькнула мысль предложить Павлу свою куртку, а самому переместиться на план потеплее, но он от нее отмахнулся. Хорошая куртка, привычная. – Пошли в переход спустимся, там не так дует.

В переходе оказалось даже тепло, хотя и грязновато. Целый табор помятых людей устроился на вентиляционных решетках, гнавших теплый воздух. У закрытых дверей маячил человек с автоматом. В форме, в глухом черном шлеме.

– Похоже, на седьмом плане тоже метро есть, – удивился Белка. – Или что-то вроде этого. Короче говоря, тут ты не пропадешь. Можешь поспать.

– Тут?.. – изумился Павел, разглядывая бомжей и пьяниц седьмого плана. – Да я... Заражусь чем-нибудь! Вонь какая.

– Вылечу, если заразишься, – есть планы очень продвинутые в медицинском отношении. Ну все, будь здоров. Утром появлюсь, но на всякий случай: никуда не уходи.

Белка трусцой отправился прочь. Павел достал сигареты и обнаружил, что их осталось всего-то три. Больше ничего толкового в карманах не нашлось, кроме разве что носового платка. Не было даже денег, да и зачем они – тут другая валюта, другой мир.

Делать нечего, Павел присел на корточки в углу, подтянул к себе валявшуюся рядом газету. Шрифт оказался с ятями и вроде бы фитами – он не был уверен, как эти значки называются. В глаза бросилась схематическая карта с тремя странами: Германия, Франция, Великобритания. Павел даже не сразу сообразил, что на карте они занимали всю Европу, только Балканы почему-то не существовали вовсе. «Чем выше план, тем он проще, – вспомнились слова Максимовича. – Пирамида: нижние слои толстые, а потом все истончается понемногу».

– И что же тогда творится на сотом плане? – пробормотал Павел себе под нос. – Вообще Всемирная Федерация на единственном материке?

– Пить будешь? – вежливо толкнул его носком ботинка полный господин в грязной рваной куртке.

– Не на что, – признался Павел.

– Всем не на что. А вот знаешь, какой есть вариант? – господин присел рядом потурецки, прямо в подозрительно густую лужицу. – Скоро катер придет к палаточке в парке, надо разгрузить. Абдулло дает три сотни на катер. А там упаковки эти... Ну, штук двести. Я бы один, да очень долго, а выпить хочется. Абдулло авансом не платит.

– В парке?.. – Павел прикинул, что до утра еще порядком времени, а на новый мир интересно хоть немного посмотреть. – Это не далеко?

– Да нет, ярдов двести. Ну ты ж крепкий парень? Справимся за часок?

– А упаковка – тяжелая?

– Что, не знаешь, какие упаковки бывают? – господин изобразил что-то в воздухе. – Не замерзнешь, хотя и не так, чтобы надорваться. На часок всех дел, и по сто пятьдесят рваных на рыльце. Пошли.

Санкт-Петербург-1

3 октября, утро

Старшие темных проволынили Ник-Ника без малого сутки, он просто с ног падал от усталости. То этот ненормальный Бухаил подсовывал всякие бумажки, то Решето вдруг выдвигал новые условия. Бумажки переписывались от руки, тем самым нахальным гномом, а он и не думал спешить. Подписываться на всем надо было кровью, и ушло ее, по приблизительным подсчетам хоза, не менее литра. Наконец со всеми формальностями было покончено, и тут Ник-Ника ждала еще одна нечаянная радость: со стороны Ведомства Тьмы помогать искать бродника отрядили все того же гнома.

– Он смысленый! – хихикал Бухаил. – Лучший сыщик!

Теперь они с Агши шли по грунтовке в сторону Петербурга, и Ник-Ник поминутно проверял, не пересечены ли еще Границы Власти. Гном семенил сзади, на разговор не спрашивался. Наконец Ник-Нику надоело молчание.

– Как тебя...

– Агши.

– Агши, далеко еще до города?

– До Границ? – уточнил гном. – Это тебе виднее, мне-то неинтересно.

– Неинтересно? А если тебя тут застукают? В зоопарк сэвзут.

– Нет, это Петербург-1. Тут нас знают и уважают... Чуть за город – и наша власть начинается.

– Ну да, отключили электричество – и расплодилась нечисть, – сплюнул Ник-Ник.

Гном только засмеялся. Вскоре показалось человеческое жильё. Деревенька выглядела брошенной, и только в ближнем к дороге доме из трубы вился дымок.

– Корчма, – пояснил Агши. – Терпим этого человека и семью его, а уж он старается...

– Вот морозы пойдут, из городов народ так и брызнет во все стороны. Жрать-то особо нечего стало.

– А что ж раньше не брызнули? Нашел время: зимой в лесу корм искать! Народец бы и летом пошел, да не уйдешь в эту сторону далеко: тут мы ждем. Хотя идут понемногу, вот через эту корчму и идут. С весны исправно корм получаем, на то и корчма, верно?

Ник-Ник опять сплюнул. За своими заботами он не слишком следил за развитием ситуации на этом плане. Хотя действительно странно – заводы понемногу вставали уже год, но первую зиму как-то прожили. А почему летом не разбежались горожане – кто их поймет, людишек... Вроде как диктатура тут экологическая. Хозам это все равно.

Корчмы Ник-Ник не помнил и только теперь сообразил, что пришел сюда другой дорогой. Вот что значит оказаться за Границами Власти, потерять магические способности... Действительно, беспомощнее любого человека. Хоз вспомнил обидные слова Бухаила и поморщился: там, на верхнем для себя плане, приходилось бегать с мелкими поручениями у «старших товарищей», ждать случая отличиться. Но пока все складывалось наоборот: позарившись на обещания Александры, Ник-Ник связался с этой московской сучкой, думал легко ее обхитрить и выйти перед своими героем. Как бы не так – Александра оказалась слишком глупой, и сама спалилась, и Ник-Ника едва не погубила. Теперь, даже отыскав этого чертова бродника для Феропонта, Ник-Ник в лучшем случае заслужит прощение. А хотел – дорогу к зеркалу на еще один план, на седьмой. Еще одна жизнь, полная могущества. Правда там, выше, пришлось бы начинать все сначала...

– Зайдем? – предложил Агши, когда они поравнялись с корчмой. – Ты вроде едва ноги волочишь, а вес-то немалый.

– Нет, мне в город.

Добраться бы до Границ Власти... Там через мгновение Ник-Ник снова станет бодр и свеж, исчезнут мозоли на ногах, в животе перестанет урчать. Осталось совсем немного.

– Смотри, сегодня целая семья! – хихикнул гном.

У корчмы играли дети, два мальчика и девочка, чуть в стороне стояла городского вида бабуля и подозрительно поглядывала на путников. И правда: один огромный, волосатый, в рваном черном плаще, цепях да перстнях, а второй тщедушный, крохотный, одет неброско и бедно.

– Корчмарь их подкормит и дорожку покажет. А там уж встретят.

– Почему не здесь?

– Потому что слухами земля полнится. Откуда берутся – не поймешь, а только пройдет о корчме дурная слава, и не будет путников. А пока тут чисто. Вот дальше по дороге этих беглецов ждут с нетерпением... Ник-Ник, я тебя спросить хочу. Как ты будешь бродника искать?

– Я?... Нет, это ты должен найти бродника, а я тебе помогу, чем смогу. Вот когда придет пора всерьез за него взяться, тут уж посторонись, дальше я сам.

– Ты сам? – почему-то усомнился Агши. – Ладненько, хорошенечко. Что ж, значит, я буду искать... Подскажи хоть, где.

– Из России уйти не должен, – предположил Ник-Ник. – Смысл? Тут места хватит спрятаться. Но в Москве и Питере искать не стоит, видные города, много хозов. А от хозов он будет бежать во всю прыть... Подозреваю, что и с ваннами у него нет желания встречаться. На

высокие планы не пойдут – там тесно, заметят. Ну вот, значит, на нижних планах в России, подальше от больших городов и надо искать.

– Ясненько. Но это простые мысли, Ник-Ник. Впрочем, чего еще от хоза ждать?.. Вот твоя Граница.

Гном уверенно показал на сухое дерево. Ник-Ник, едва сдерживая волнение, запихнул в рот окурки сигары и прикурил дрожащими руками. Неужели дошли? Он и не думал, что это так тяжело: стать беспомощным на день и ночь. Миновав дерево, хоз попробовал залатать плащ. Тело, живущее на втором плане, совершило несколько пассов – и планом ниже сами собой затянулись прорехи на одежде.

– Наконец-то! – зарычал Ник-Ник, пританцовывая на месте от нетерпения. – Еще... Еще...

Агши за его спиной от души потешался. Людишки остаются людишками... Будь ты хоть тысячу раз маг, а сути своей не изменишь. Хочется власти над собой, над миром, хотя бы иллюзии этой власти.

– Все... – наконец обернулся к нему довольный, свежий Ник-Ник. – Пиво будешь?

– Зачем же мне отказываться?

И Ник-Ник тут же сотворил из воздуха целый ящик зеленых бутылочек из какой-то заграницы – в языках гном был не силен. Отчаянно пыхтя сигарой, хоз принялся заливать в себя пиво, но и Агши не слишком отставал: его родня и безо всякого волшебства отличалась прожорливостью.

– Сработаемся! – рыгнул Ник-Ник десяток минут спустя, когда ящик опустел. – Ну, теперь командуй: куда тебя?

– К Архиву, – скромно попросил Агши, утирая губы.

– Куда?! Это еще зачем?

– Сам сказал: мне искать. Старшие с Темной стороны посмотрят, а я – с вашей.

Пожав плечами, Ник-Ник перенес гнома к петербургскому входу в Архив. В довольно мерзкой пивной шумела не угомонившаяся за ночь компания, но когда массивный Ник-Ник, словно черный авианосец, проплыл мимо их стола, стало тише. Дежурный ван в образе уборщицы усердно размазывал грязь по полу.

– Цель вашего прибытия в Архив? – спросил служитель, разгибаясь.

Ник-Ник выразительно посмотрел вниз, на гнома. Агши, оторвавшись от созерцания стойки, повернулся к вану.

– Я слуга Тьмы. Я пришел задать вопросы.

– Архив не отвечает на вопросы несуществующих.

Хоз едва не подавился окурком: он впервые присутствовал при разговоре вана с темным. Надо же: несуществующие! А кто тогда так расплодился на этом плане, что за город людишки и нос высунуть боятся?

– Чтобы получить ответы, я привел с собой хоза.

Ник-Ник только крикнул. Ван молчал – видимо, совещался со своими. Насколько понимал Ник-Ник, об этих бесполох нелюдях никто толком ничего не знал.

– Несуществующий может войти с тобой, – сообщил наконец ван, глядя только на Ник-Ника. – Он не имеет права отходить от тебя. В случае угрозы Архиву ты умрешь.

– Э... Да-да, конечно, – только и выдал из себя хоз.

Уборщица отставила швабру и распахнула дверь в подсобку. Несколько ступеней, полутемный коридор – и вот уже Ник-Ник и Агши стоят в зале, не имеющем ни стен, ни потолка. Вокруг простирался бесконечный лабиринт шкафчиков с множеством ящиков, на которых не имелось никаких пометок.

– Вот, Агши. Спрашивай. Только наш Белка Чуй – незарегистрированный бродник, в Архиве о нем ничего быть не должно.

- Тут обо всех есть. Проси его биографию.
- А с какой стати ваны нам ее дадут? – Ник-Ник даже отвернулся от ожидающего слушателя.
- Попытка не пытка, – пожал плечами Агши. – Может, им самим будет интересно. Бухаил думает, что будет.
- «А что по этому поводу скажет мой шеф Феропонт?» – мысленно вздохнул Ник-Ник, но не уходит же из Архива ни с чем.

Москва-1

3 октября, утро

С подчиненными легко: взял да и приказал прийти в себя. Биорг не может ослушаться приказа, так что теперь у Коли и Кости головы не болят. А как быть кель-фатх-шуршуру? Старшего по званию рядом нет.

– Где вы взяли эту дрянь? – спросил Миша, прислонившись лбом к холодному оконному стеклу.

Голос гудел, как колокол в пустом концертном зале. Биорги, однако, не подпрыгнули и не зажали уши, а лишь пожали плечами.

– Что смогли, командир, то и достали.

«Значит, это у меня внутри такой звон», – сделал вывод Миша.

Он попробовал вылечить нежелательный эффект постукиванием по левому виску, но при этом отпустил батарею и дощатый пол предательски прыгнул на него сзади.

– Ох... – сказал Миша.

– Я бы сбегал, – намекнул Николай, потирая порядочное пузо – как-никак по биологическому возрасту он был старшим. – Только в карманах голяк.

– И у меня, – вздохнул булочник. – Это потому, что ты ночью два раза бегал.

– Короче, бойцы... – прошептал кель-фатх-шуршур. – PIN-код лежит в кармане рубахи. Перезагрузите меня как угодно, а то я уж не понимаю, в какой стороне руки, в какой желудок. Ну нельзя пить все подряд и лягушками закусывать, мы же не люди, а биорги, за нас Императором уплачено... Военный заказ...

Биорги некоторое время ссорились, кому лезть за PIN-ом командира. Потом Костя вспомнил, что он второй расходный двоедины, а Николай – лишь первый и, таким образом, во время боевого построения приравнивается к младшему. Первый расходный, в мозг которого было твердо зашит Имперский Устав, возражать не посмел.

– Перезагрузи его пока, по-мягкому.

– От такого похмелья не избавит, – заметил Коля, нащупывая на командирской груди три точки. – У меня до сих пор только три харда из пяти крутятся. Слышишь?

– Работай, мясо!

– Да, господин второй расходный! Сириус навсегда!

– Слава Императору... – меланхолично откликнулся булочник, переписывая цифры командирского PIN-кода себе на ладонь, про запас. Вдруг опять прикажет забыть?

Михаил пискнул и принялся мелко вибрировать всем телом – обычное поведение во время мягкой перезагрузки. А вот позвякивание у него в голове Косте не понравилось.

– На профилактику бы его. Заметил, что Мишка все время задумывается? Не к добру. Подвисает.

– Не Мишка, а господин кель-фатх-шуршур, – мстительно заметил первый расходный. – Я тебе как младший старшему вежливо уточняю.

– Без сопливых обойдусь. Имперский Устав, знакомый тебе пункт 248-гэз. Командир в нерабочем состоянии – имеем? Имеем.

– Через пятнадцать минут заводские установки поднимутся – и очухается командир, – не сдавался Николай. – Давай влезай в мозги скорее, пропиши там приказ на отрезвление.

– Я не о том, дурила... – Костя закурил. – Глубже смотри. Мишу заклинило на ожидании приказа. Что ж, мы сами виноваты – так умело влезли в прошлый раз...

– Зато выбрались с Москвы-0 живыми.

– Живыми – это хорошо, а вот зачем выбрались? Там жратвы навалом, потому что электричество не отключили и машины дымят себе как хотят. А тут... – Костя пыхнул сигареткой и милостиво угостил окурком первого расходного. – Мне кажется, наша голодная смерть повредит интересам Императора и Семьи. – Он прислушался к чему-то внутри себя и кивнул. – Да, я просто уверен.

– И мое верное Сириусу сердце подсказывает, что кушать надо, – Коля тоже кивнул. – Но если устроим налет на склады, то выдадим себя потенциальному противнику. Не посоветоваться ли с командиром, когда он очнется?

– Командир согласно Уставу имеет больше ограничений на самостоятельную умственную деятельность, чем мы. Тем более временно выведен из строя. Тем более сам дал нам PIN-код для оперативного вмешательства. Думаю, надо ему очередь задач... Подкорректировать.

– Основание?

Коля не зря волновался: согласно накрепко вшитому в их память Имперскому Уставу предатель подлежал самоуничтожению.

– Основание – «...приведение командира в реально сложившуюся в бою систему нравственных координат с сохранением абсолютной верности Императору и Семье». Пункт 1286-хз.

Первый расходный помолчал немного, считывая информацию из указанного параграфа, потом кивнул.

– Умный ты больно. Переворачиваем?

– А меня сперва в танкисты готовили, в голове амортизаторы третьей степени стоят. Потом уж в пехотный цех готовую голову отправили, там недостача вышла.

Они перевернули командира и задрали ему рубашку. Одновременное нажатие с двух сторон на секретный спецорган, прячущийся у каждого биорга под седьмым позвонком, вызвало жесткую перезагрузку. Дыхание Михаила стало неслышным, сердце почти остановилось.

– Поехали... БЧР130163-65у! Назовите ваше звание и номер воинской части!

– Я военнопленный и не обязан отвечать на ваши вопросы! Смерть врагам! Слава Императору!

– Отлично, работает. Так...

Пока Костя зачитывал по бумажке PIN-код, Николай тактично отошел в сторонку. Какая-то мысль никак не могла пробиться к нему на внутренний дисплей, застряв среди поднятых со дна памяти параграфов Имперского Устава.

– Последние десять задач в порядке убывающего приоритета...

Миша тихо бормотал что-то с несвойственной личности кель-фатх-шуршура интонацией. Булочник слушал, наморщив лоб, и рисовал на бумажке план перестановок.

– Ты ему главным приказом кормежку личного состава введешь?

– Нет, Устав не пропустит такой лажи. Да и не хотел я, не хотел! – Костя заволновался, почувствовав какое-то шевеление в левом полушарии, ответственном за преданность Импе-

ратору. – Болтай меньше, Коля, а то рванет. Приоритетная задача: спасение доверенного командиру личного состава. Косвенная: скрытое перемещение в безопасный район. Дальнейшие действия: «автономно-диверсионные».

– Может, не надо «диверсионных»?

– А просто «автономных» нет в списке... – вздохнул Костя. – Только «автономно-диверсионные». Ладно, первый расходный, не горюй. Важно, что командир нас теперь должен обеспечить не только на насущные потребности, но и на семейные дела. Иначе жены взбеленятся и пойдут докладывать о нашем исчезновении, что приведет к преждевременному обнаружению отряда.

– Это ты здорово придумал! А я вот тоже...

Коля замолчал, стараясь достать свою неожиданную мысль из-под вороха параграфов и присяг.

– Чего придумал, первый расходный? – переспросил Костя. – Я почти закончил, говори, пора командира в строй ставить.

– Вот! Хорошо бы на нулевой план снова уйти. С разведывательной миссией. У нас там и явка есть, у программиста того, у Гришки. Проверенный кадр, сочувствующий делу Сириуса.

– Верно... Но только как же мы с плана на план переберемся? Опять к Нечисти идти? Боязно...

Во время провалившегося Вторжения биорги воспользовались ходами Ведомства Тьмы для возвращения в Москву-1. Однако впоследствии, вспоминая этот путь, все трое пришли к выводу: им просто повезло, что кроме вампира Зинаида, да знакомого гнома Агши никто навстречу не попался. А уж Агши провел биоргов какой-то относительно безопасной тропкой до самого города. Славный гном, и мошенник немалый, только где он?

– Агши надо отыскать! – теперь Коля понял, что хотел сказать. – Завербуем! Он же алкоголик, с ними просто.

– Это можно, – кивнул второй расходный. – Пиши еще себе на подкорку, командир: вербовка объекта в Ведомстве Тьмы с последующим проникновением на нулевой план для создания секретного плацдарма. Все, сохранить установки!

Миша задергался, по всему телу выступил обильный пот. Закончив дело, его подчиненные ударили по рукам и, довольные, уселись рядом на подоконник. До того, как командир сможет встать и начать командовать, оставалось еще пятнадцать минут.

Москва-7

2 октября, ночь

Упаковки весили килограмм по шесть, не так уж и тяжело, да только отвык Павел от физического труда. А еще раздражал Абдулло, хозяин ларька. Он и не помогал, и не уходил никуда, просто стоял и смотрел, перебирая четки. Под его пристальным взглядом Паша трижды ронял упаковки и каждый раз был оштрафован на пятерку.

«Интересно, а что тут можно купить на сто тридцать пять?» – подумал Паша, когда с разгрузкой катера было наконец покончено.

– Накинул бы по десяточке, уважаемый! – попросил у Абдулло лысоватый господин, назвавшийся Сергеем. – Смотри, как быстро управились!

– Накинь себе на голову что-нибудь, простудишься, – совершенно без акцента предложил Абдулло, запер ларек, уселся в катер и был таков.

Это действительно был катер, очень похожий на речные. Он даже имел два винта, которые и толкали катер вдоль по улице, но вот что за сила поддерживала его в воздухе – Паша не знал. И спросить у Сергея было как-то... Неудобно.

– Ты вообще откуда? – спросил Сергей, честно разделив деньги. С учетом штрафов, конечно.

– С Урала, – Павел решил не уточнять.

– Откуда?..

«Тут не только Балкан, тут и Урала нет!» – решил Павел и отчего-то здорово испугался. Будто Урал куда-то исчез вместе с матушкой, родней, соседями и всеми земляками.

– С Урала... – робко повторил он.

– А! – сообразил Сергей. – Я-то подумал, ты сказал «Сурала», тогда бы мы почти родственники оказались. Сам-то я инкубаторский, только «Суралы» тогда еще не было, в «Ампеге» меня клонировали. А ты, значит, просто с гор спустился! Ну ладно, все равно пойдем пропивать заработок.

Во время разгрузки катера Павел здорово вспотел, и теперь, на холодном ветру, выпить был бы действительно не против. Вот только новый знакомый повел его не обратно к метро, а куда-то совершенно в другую сторону.

– Постой! – жалобно окликнул его Паша. – Куда ты?

– В магазин, куда еще. Других ночных заведений здесь нет с тех пор, как граница по реке прошла. Нейтральная зона, сам должен понять – силы Коалиции открывают огонь без предупреждения... Кстати, ты аусвайс-то не забыл? Давно что-то патрули не проезжали.

Павел улыбнулся, оглянулся, потоптался на месте... Тот орган человеческих чувств, что расположен ниже пояса, уже подсказывал ему, что сейчас произойдет «то самое». Тем самым стал патруль, которому Сергей обрадовался как родному.

– Вот они, родимые! Защитнички от злых западных москалей! Поднимай руки, дурила, ведь пришибут, а мы еще и не выпили за знакомство.

Патрульный катер зигзагом скользил по ночной улице, а от него во все стороны убегали нити прямых и тонких лучей. Красные, зеленые, фиолетовые... Это было так красиво, что руки у Паши сами поползли вверх. Вскоре первый из лучей, зеленый, добрался до них, мельком пробежал по лицам и опять направился в сторону парка, шнырять между деревьями.

– Это, Серега... – Павлу пришлось прокашляться. – Я забыл аусвайс. В куртке. А куртку потерял.

– Тогда так: быстро давай мне деньги. На всю сумму может и откупим тебя. Только не сопротивляйся, не спорь и вообще молчи – они пострелять любят, им за это премии платят и в отпуск шлют.

Павел отдал комок скомканных купюр так и не разобравшись, много ли они заработали в этом мире за разгрузку катера. Патруль приближался, теперь можно было различить две смешные башенки со спаренными пулеметами и надпись на борту флюоресцирующей краской: «СОБСТВЕННОСТЬ РФ. ЗА ПОРЧУ РАССТРЕЛ НА МЕСТЕ».

– Это зачем написано?

– Чтобы камни не кидали, бутылки. А то были, понимаешь, любители... Но Русская Финляндия себя в обиду не дает.

– Русская Финляндия?..

Тогда понятно. Павел опустил голову и постарался мысленно позвать Белку. Вряд ли бродник обладал телепатическими способностями, по крайней мере он об этом никогда не рассказывал, но если у утопающего нет даже соломинки, надо хвататься за чудо. Как и следовало ожидать, Белка не отозвался.

– Документы на проверку! – сказал голос из невидимого динамика, когда катер приблизился.

Сергей свои уже держал в руке, по ним бегали разноцветные лучи.

– Я забыл! – сказал Паша севшим голосом. – Потерял!

– На колени! – распорядился голос. – Руки за голову, смотреть в пупок. Ты чего, Вень?..

Это уже относилось не к Паше: одна из башенок вдруг повернулась в сторону парка и туда полетели два длинных ряда трассеров. Звук пулеметы не произвели ровным счетом никакого. Павел проследил их направление, ничего не увидел за деревьями и вдруг опомнился, повалился в снег.

– ...и что?.. Не, ну я понимаю, что фигуры, а ты попал? Если не попал, сам будешь перед Синеврюховым отчитываться. Нет, Вень, это такое дело...

Кто-то в катере забыл отключить динамик и о Павле, наверное, тоже забыл.

– Я понимаю, что ты стрелял по инструкции, но ведь патроны потрачены, а трупов я на экране не вижу.

Паша осторожно поднял голову, рассматривая пугающий экипаж. Тут же распахнулся узкий люк.

– Задержанный, на колених сюда. Вложите руки.

– Руки?

– Не переспрашивать! Вложите руки в захваты.

Он подполз поближе. Посмотрел в сторону – и увидел удаляющуюся фигуру своего нового знакомого.

– Послушайте! Тот человек, он хотел с вами поговорить!

– Руки, падла!!!

«Вот я дурак», – Павлу стало почему-то очень жаль потерянных денег. Хотя он даже не знал их стоимости.

Вот и захваты, что-то вроде пластиковых колодок. Он покорно вложил в них кисти и запоры тут же защелкнулись. Внутри диковинного танка загудело, колодки дернулись и плавно втащили пленника внутрь. Люк захлопнулся, ударив по подошвам, тут же вся эта махина пришла в движение. Зажегся свет, мягкий и голубоватый, даже приятный. Оказалось, что Павел находится в небольшом пустом помещении без прямых углов.

– Согласно Постановлению о военном положении, вы обязаны отвечать на вопросы подробно и без промедления! Имя...

– Павел.

Тишина. Паше показалось, что на последнем слове динамик как-то странно щелкнул. Он попробовал устроиться поудобнее, но как это сделать, если твои руки в колодках, а те – на уровне пола? Только лежать на брюхе. Одна из панелей плавно скользнула в бок, рядом присел человек в зеленом мягком комбинезоне и глухом черном шлеме.

– Скучаешь?

Человек одним движением легко снял шлем и оказался молодой женщиной, очень коротко стриженной брюнеткой с правильными чертами лица и холодными голубыми глазами.

– Поболтаем, Пашенька?

– Наверное. Можно меня отстегнуть?

– Можно, – легко согласилась женщина, и захваты тут же щелкнули, освобождая Павла. – Садись. Меня зовут Манана. Помнишь это имя?

– Нет... – набычился Паша. Ему стало ясно, что попал он еще круче, чем предполагал.

– Напомню. На нулевом плане в твоём подъезде был расположен «Гадальный салон». Я его хозяйка, бывшая. Вспомнил?

Павел пожал плечами. Конечно, он помнил.

– Там мне пришлось умереть. Это все равно, что уйти. Занятная вышла история с зеркалом... Я сыграла за кремлевских, и мы победили. Но что такое одно зеркало Грохашша? Пустяк. Есть вещи поинтереснее. Павел, я – хоза, и поверь, не последняя в этом мире. Ты что, в самом деле надеялся, что тебя не обнаружат сразу же, как ты появился на седьмом плане?

Павел сглотнул. Манана смотрела на него ласково, почти нежно. Вот что значит хоза: бородавчатая старуха с нулевого плана и эта девица одно целое. Только та умерла... Но Манана жива на многих планах. Вспомнилась Галя – вот ее судьба, если все пойдет хорошо.

– Нашли тебя, голубчик. В другом месте, в другое время ты, наверное, мог бы долго здесь шататься. Но мы ищем некоего бродника, сети расставлены. Все: и адмиралтейские, и кремлевские. Как ты мог заметить, тут у нас нечто вроде перемирия... Или еще не понимаешь ничего?

– Не понимаю, – поддакнул Павел.

– Ну и хорошо, не твое дело. Паша, ты ведь не сам по себе сумел стать бродником, по планам в своем теле скакать? Кто-то научил, просветил, заставил поверить. И есть у меня подозрение, что это тот самый тип, которого мы ищем... Белка Чуй, так его зовут?

Павел молчал. И тогда хоза вытянула вперед руку, неожиданно схватила его за нос.

– Ты, сволочь, знаешь, что у меня не получается с тобой ничего сделать, да?! Знаешь?!

– О-о-уй-уй-уй! – взвыл Паша, из его глаз покатались слезы. Хватка у Мананы оказалась железная. Он вцепился ей в руку, но каждая попытка вырваться приводила к новой порции слез. – Обус-диде медя!! Обусдиде!

– Отпустить? Пожалуйста! – она с силой оттолкнула Павла, брезгливо отерла пальцы о комбинезон. – Парень, я не знаю, что ты сделал, но ты это сделал зря. Реальность вздрогнула, когда ты тут появился. Да, моя магия не работает на тебе, но шкуру спустить нетрудно. Вот те люди, за переборкой, это сделают. Магия для такого пустяка не нужна, понимаешь?

– Понимаю, – предпочел соврать Паша, утирая слезы. – Что вам от меня нужно-то?!

– Все. Ты теперь мой, ясно? Я тебя забираю. Благодарю судьбу: Грузин бы из тебя душу вынул сразу же, только чтобы Белку этого найти. Да и Феропонт со своими адмиралтейскими тоже. Отдал бы Ник-Ник на растерзание. Помнишь, каков из себя Ник-Ник? А я тебя спрячу. Ой, испугался?

Она ошибалась: испугался Павел уже давно. Но только теперь понял, что судьба его полностью находится в чужих руках, на редкость сильных, хотя и красивых, а на помощь Белки и Максимовича рассчитывать не приходится. Хоть бы они сбежали сразу из этой своей норы на первом плане и Галю спрятали, а то ведь Павел пытки терпеть не обучен.

– Испугался, – удовлетворенно кивнула Манана. – Значит, соображаешь. Сейчас не ко времени мне с тобой долго беседовать, придется расстаться. Но не надейся, что сможешь прыгнуть! Хотя и не переживай сильно. Просто полежишь в дальнем ящике, пока потребность в тебе не возникнет. Или все-таки сразу расскажешь мне, где Белка?

– Я не знаю, – выдавил из себя Павел, утешаясь немного тем, что и в самом деле не знал.

– Что ж, поговорим позже, – улыбнулась девушка и одела шлем. – Я долго живу на свете, миленький, очень долго. Я не спешу. Выметайся.

Люк раскрылся, будто подчинившись ее словам, и Павел наконец заметил, что «танк» остановился. Он осторожно выбрался и увидел шлагбаум, рядом с которым прохаживались люди в черных шлемах и с оружием.

– Вперед!

Манана будто и не вылезла из люка, а просто оказалась рядом.

– Проходи, не тронут!

Они протиснулись в узкий проход сбоку от шлагбаума, и часовые действительно не обратили на них внимания. Дверь, распахнувшаяся навстречу, словно в универмаге, вела в ярко освещенный коридор.

– Третий кабинет.

Павел увидел двери с табличками. Похоже было, что он ведет себя неправильно, что вот-вот окажется под замком, который не сможет одолеть.

«А не врезать ли ей?» – Сердце от этой мысли птицей забилося в негеройской груди Паши. – «Шлем одену, не узнают. Сбегу...»

Он замедлил шаг, обернулся... Но вместо Мананы перед ним вспыхнул огонь. Жар, свет! Павел отпрыгнул, прикрывая лицо, и налетел на свою конвойную.

– Не упади! – Манана бережно поддержала его. – Я все думала: когда ты попробуешь? Мальчик, я не могу ничего сделать с тобой, но над собой власть имею по-прежнему. Вот сюда входи.

Снова дверь распахнулась сама. Небольшое помещение, уставленное десятком то ли саркофагов с откинутыми крышками, то ли каких-то соляриев.

– Ложись в любой. Быстро, быстро, меня ждут! – Манана сняла шлем, быстро стала набирать что-то на пульте в середине комнаты.

– Я не...

Она неожиданно ударила Павла по ушам ладонями, тут же сбила подсечкой и буквально затолкала на ложе.

– Лежать!!! – На Павла полетели брызги. Она и правда злилась. – Или от страха голову потерял? Не бойся, это игровой зал. Чтобы не было скучно, побродишь пока по виртуальностям, вот там можешь прыгать по уровням, сколько угодно. А проснешься, когда я за тобой приду.

Крышка стала опускаться, Павел уперся в нее ладонями.

– Не надо! Я лучше посижу тут просто, я...

– Ты думаешь, Манана идиотка, бродника одного оставит?! – вскипела хоза. – Лежи смиренно, или я тебя свяжу! Хочешь этого?

– Нет... – покорно вздохнул Павел и крышка со щелчком опустилась.

«Надо было сказать: а ты научи, да покажи, как на лопаточку ложиться, а потом сунуть ведьму в печь, и сказочке конец...» – запоздало подумал он, но уже как-то безразлично.

Голова немного закружилась, перед глазами замелькали разноцветные искорки. Павел ощутил легкое пощипывание в пальцах, услышал тихую мелодию.

«Игровой зал?»

Глава III

Архив

Агши изучал досье Белки Чуя долго и внимательно, даже обнюхивал каждую бумажку. Ван стоял рядом, с бесконечно терпеливым видом облокотившись на швабру.

«Почему вход в Архив все время через какую-нибудь рыгаловку устроен? – размышлял скучающий Ник-Ник. В Архиве, так же как и за Границами Власти города, он был бессилен. Даже закурить не решался. – Неужели нельзя что-нибудь попримитивнее придумать? Закрытый клуб какой-нибудь, или просто очень дорогой. Лишних мы всегда отвадим, не проблема...»

– Почему у вас нет данных о месте и времени рождения Белки Чуя? – спросил Агши.

Ван молчал. Гном с гримасой покосился на Ник-Ника, и хоз повторил вопрос.

– Вам предоставлены все имеющиеся в Архиве данные. Все значимое, что нам известно о жизни человека, называющего себя Белка Чуй. Дополнительная информация возможна лишь после специального расследования, вы не обладаете полномочиями его заказать.

– А кто обладает? – живо заинтересовался Ник-Ник. Он полагал, что ответа не будет.

– Некоторые из наших создателей, известных вам как атлантическая раса.

Хоз побагровел от злости. Атланты, первые маги – все же они оставили за собой право вмешиваться в дела Архива! Разве это справедливо? Впрочем, чего еще ждать от этих гадов.

– Можем ли мы поговорить с атлантами? – тут же спросил Агши.

Ник-Ник «перевел» и тут же получил отрицательный ответ.

– Видишь ли, уважаемый, человечек нам попался странный... – Гном обращался к Ник-Ник, совершенно не обращая внимания на вана. – Прodelок много накопилось. Очень много. Но откуда он взялся? Сколько ему лет?

– Ну, приблизительно тридцать, – пожал плечами хоз. – У него лицо такое... Костистое. Может, и двадцать пять, или тридцать пять, или даже сорок...

– Сорок никак не может быть, – покачал головой Агши. – Он уже на шестьдесят лет в Архиве наследил. Посмотри...

Хоз закашлялся. Шестьдесят, даже больше?... Белка Чуй отнюдь не выглядел на такой возраст. Но омолодиться можно лишь с помощью магии.

– Он из наших?! Нет... Подожди, тогда вот что: кто-то из наших его пасет! Ему помогают!

– Это было бы очень странно, хотя такой вариант я бы не сбрасывал со счетов, – согласился Агши. – Однако можно еще предположить, что Белка Чуй имеет контакты с кем-то из Ведомства Тьмы. Хотя это тоже было бы очень странно. Очень.

Ник-Ник только пыхтел. Гном еще раз просмотрел несколько отложенных в сторону листков.

– Передай ему, что я прошу дать сведения о вот этих людях, – Агши помахал бумагами перед самым носом вана. – И пусть пошевелится, истукан.

Хоз, с трудом разбирая мелкие буквы, назвал несколько имен. Уточнять не потребовалось, ван прислонил швабру к шкафу и побрел куда-то в глубь лабиринта. Ник-Ник огляделся и с тоской понял, что самостоятельно найти выход не сумел бы – кругом только шкафы, полные ящичков, а сверху лишь мутная белизна.

– Скажи, если кто-то пойдет...

Гном быстро опустился на колени и вытащил из-за пазухи яблоко. Оказавшись на полу, фрукт медленно покотился по кругу.

– Брось это, Агши! – испугался Ник-Ник. – Они ведь не шутят! Порвут нас сразу! Или, в крайнем случае, в Спираль...

– Я не собираюсь причинять Архиву вред. – Гном явно не считал себя обязанным подчиняться хозу. – Просто все эти досье... Ну бродник ведь не дурак, понимает, лапочка, как мы его искать станем. Он все простые концы перерубил, остались только те, что человеку не видны...

Яблоко описывало круги все шире, наконец скрылось за углом ближайшего шкафа. Агши на четвереньках шустро побежал следом.

– Если кого увидишь – говори громко! – пискнул он напоследок и исчез.

«Вот сейчас ваны заметят, и меня не станет... – Ник-Нику стало куда страшней, чем у Нечисти в лесу. – У них быстро: чик... А магия тут не работает, стою беззащитный, как младенец... Убьют из-за дурака гнома, а что меня потом ждет?»

Бухаил, подтрунивая над «бессмертием хозов», знал, куда бил. Посмертие оставалось для магов тайной, о которой и думать-то не хотелось. За столетия жизни нескольких тел на единственной душе накопилось много всякого. Ник-Ник машинально вытащил из кармана сигарный окурочок, но вовремя опомнился: ваны курить в Архиве запрещали.

«А магия Нечисти действует даже здесь, – вспомнил Ник-Ник. – Обидно. Выходит, они сильнее нас? Но во всех войнах хозы победили... Надо будет с Феропонтом поговорить».

Ван появился неслышно, незаметно даже, и положил на шкафчик перед Ник-Ником стопку бумаг. Тот ничего не успел предпринять и только закашлялся запоздало. Вышло неестественно. Ван, совершенно не интересуясь отсутствующим гномом, снова оперся о швабру.

«Может, Агши для ванов и правда несуществующий?» – со слабой надеждой подумал Ник-Ник, хватая верхний листок.

Мелкие буквы рассказывали о судьбе Антония Малачкова, проживавшего на пятнадцатом плане, в Санкт-Петербурге. С трудом разбирая витиеватый почерк, Ник-Ник тем не менее совершенно не улавливал смысла написанного.

«Почему они печатными буквами не пользуются? И почему у них всегда досье на русском? Или это только мне кажется, что на русском?» – Ник-Нику очень хотелось оглянуться, поискать гнома, но он боялся вызвать у вана подозрение. Ваны не шутят.

– Здесь все, что мы... Я попросил? – нарочито громко спросил хоз.

– Все, – бесстрастно отозвался ван.

– Гхм... Хорошо! Мне надо все это внимательно просмотреть!

Покраснев, Ник-Ник вернулся к чтению. Антоний Малачков уже успел много чего натворить: целый список приговоров. Разные города, разные страны и... разные планы.

– Бродник! – наконец сообразил Ник-Ник и поудобнее перехватил толстыми пальцами тонкую бумагу. – Он же бродник, этот... Антоний!

– Тото, – подсказал ван. – Его последнее имя – Тото.

Как и любой хоз, добившийся существования на разных планах с помощью зеркала Грохашша, Ник-Ник ненавидел бродников. Обладая всего одним телом, они переносятся с плана на план целиком, и объяснить этого пока никто не смог. Такого просто не должно быть! И все же они это делают. Странная, врожденная способность. Зависть сдавила челюсти Ник-Ника до скрежета зубового.

«Если бы я мог...»

Рвануться к верхним, самым верхним планам, взглянуть хоть одним глазком – как там? Куда ведет дорога мага, покупающего бессмертие и власть через новые отражения, новые тела? Но среди хозов ни одного бродника не было. Даже среди атлантов, которые первыми

научились делать странное зеркало, создающее миры. Отразись в нем – и окажешься планом выше, и каждое твое действие там отзовется в нижнем мире. За тысячелетия придуманы миллионы заклинаний и пассов – заведя второе тело планом выше, человек превращался в мага, в хоза. А если отразиться еще раз... Бродникам все это было не нужно для путешествий, но и магия для имеющих лишь одно тело недоступна. Что лучше?

– Он в розыске? – срывающимся голосом спросил Ник-Ник и даже поморщился: ну что за глупость? Конечно, в розыске! Ваны всегда ловят бродников.

– Нет.

– Нет?!

– Тото в Спирали. Список его прегрешений оказался слишком длинным для прощения.

– Это хорошо, – перевел дух хоз. – Это правильно. Страшнее Спирали может быть только смерть.

Однако секундой позже Ник-Ник сообразил, что бродники редко достаиваются такой чести. Как правило, ваны всего лишь «регистрают» их, метят каким-то неизвестным хозам способом. После этого куда бы бродник не прыгал, его всегда можно найти. Случалось, что по жалобам хозов им выдавали врага, – если служители Архива считали основание достаточным.

– Видать, большой баловник был этот Тото, а?

– Он не скоро выйдет из Спирали, – сообщил ван.

«И на том спасибо. Хотя я бы просто отрывал им головы!»

– Можно я взгляну? – неслышно подкравшийся Агши оказался рядом. – Тото... Спроси у этого шваброносца: вся ли имеющаяся в распоряжении ванов информация о Тото изложена в досье?

– Нет, – только и сказал служитель.

– И чего же здесь не хватает? Что за зебру Белка Чуй помог ему выкрасть из зоопарка?

– Вам нельзя этого знать.

Ник-Ник и Агши переглянулись.

Игра «Мир Стрелы»

«Эпизод IV: Замок герцога О»

Манана сказала Паше: поиграй. Он не понял тогда, что имеется в виду, но уже через несколько минут пребывания в саркофаге догадался, что действительно находится в каком-то компьютерном зале, и во все его органы чувств постепенно входит реальность игры. Из темноты перед глазами постепенно проступали контуры деревьев, высокой ограды, беседки на берегу ручья. Звук прорезался как-то время от времени, и кусками: иногда было слышно лишь журчание воды, иногда только шелест листьев.

«Гришке бы понравилось, – вспомнил Павел пропавшего приятеля. – Графика хорошая...»

Саркофаг начал медленно наклоняться, голова закружилась, но деревья перед глазами не легли набок. От этого стало еще хуже, затошнило. Но тяжесть в ступнях помогла сориентироваться вестибулярному аппарату, принять новое положение вещей.

«А может, саркофаг и не наклонялся? Может, это тоже иллюзия?»

Ручей теперь журчал постоянно, а вот листья шумели время от времени. Шум совпадал с раскачиванием веток, правую щеку захладило.

«Ветер, – понял Павел. – Я в саду. А что сзади?»

Он повернул голову и едва не упал с непривычки, когда картинка сада прокрутилась перед глазами. Однако виртуальность почти уже «всосала» его, дурнота прошла. За спиной оказалась каменная стена, высокая, сложенная из крупных блоков. Она уходила в обе стороны, а здрав голову, Павел рассмотрел и башню – тонкую и высокую, казалось, до самых облаков. Он снова повернулся к беседке.

«Хитрая тварь эта Манана...»

Для пробы Павел повторил вслух и услышал свой голос:

– Хитрая тварь эта Манана. Я в игре, в виртуальности, и даже если бы у меня было зеркало, ничего не смог бы сделать.

Он поднял руки, рассмотрел. Очень похоже. Да что там! Это были его руки. На левом рукаве пуговица оторвана – следствие ночной разгрузки у Абдулло. Ногти пора стричь. Паша посмотрел вниз и уже без удивления увидел свои ноги. Низ джинсов потемнел от росы, высокая трава скрывала кроссовки. Павел сделал шаг, другой. Все вокруг было совершенно реально. Он закрыл глаза, попытался представить себя лежащим в саркофаге, и не смог. Дернул рукой, надеясь ударить в крышку, и не ощутил ее.

– Делать нечего, придется тут побродить...

Если он правильно понимал, игроку сперва полагалось посетить беседку. Павел бодро дошагал до нее, удивляясь графике, и нашел меч. Довольно тяжелый, цельнометаллический, с грязным тупым лезвием.

– Первое оружие? – предположил Паша и протер лезвие травой. – Остальное, наверное, у врагов надо забирать. Стоп... Но если все так реально, может, я и боль могу испытывать?

Он с размаху стукнул вытянутым пальцем о столб беседки. Ушибленный сустав отозвался вполне привычным ощущением. Это Павлу совершенно не понравилось – выходит, виртуальный враг может подарить незабываемое ощущение перерезанного горла?

– Манана, гадина! – Павел завертелся на месте, оглядываясь. – Ох, не надо было меч трогать!

И верно: к нему уже бежали. Два невысоких, но крепких парня с короткими пиками в руках подбадривали друг друга гиканьем и вступать в переговоры явно не собирались.

– Эскейп! – жалобно простонал Павел, отступая в глубь сада. – Пауза! Эф-десять, еклмн! Выпустите меня!

Бежавший впереди опустил оружие, намереваясь воткнуть пику прямо в живот игроку поневоле. Павел прихватил меч обеими руками и отскочил в сторону, рубанул, что есть сил, целясь в голову. Первые враги, как и положено в порядочной игре, оказались слабаками: пикадор и не подумал уклониться, поэтому тут же рухнул, заливая траву кровью, – удар пришелся в заднюю часть шеи. Воодушевленный успехом Паша, не обращая внимания на боль в ладонях, сам шагнул навстречу второму противнику и мечом отбил пику. Этого делать, наверное, не следовало, потому что парень налетел на него, оба повалились в траву.

По счастью, душисть Павла враг не стал, а вскочил и снова взялся за пику. Не имея даже сил вздохнуть после столкновения, игрок все же ударил мечом по ногам виртуального существа. Пикадор послушно рухнул, и Павел с каким-то ожесточением прикончил его несколькими ударами. Кровь выглядела вполне реально, насчет остального он сомневался: уж очень легкий вышел бой.

– Никуда больше не пойду!

Он быстро обшарил тела. Ничего, только две пики – вот и весь барыш. Павел вернулся в беседку, присел на лавочку, потирая грудь, и совсем загрустил. Вспомнил, что в пачке осталась еще сигарета. Сунул руку в карман – вот она! И зажигалка на месте, и ключи.

– Дурацкая игра!

Докурить он не успел. С точно таким же гиканьем появились еще два парня с пиками. Все стало ясно: игра не даст ему покоя. В ожидании Мананы придется снова и снова убивать пикадоров – или позволить им убить себя. В том, что это будет очень больно, Павел уже не сомневался.

На этот раз он не отбивал удары, а только уклонялся. Все вышло гораздо быстрее и безопаснее. Воодушевленный этим опытом, игрок прихватил на всякий случай еще две пики и с ворохом трофеев пошел вдоль крепостной стены.

– Умирать, так с музыкой!

Еще два пикадора встретились ему по дороге к калитке, оружие этих Паша оставил валяться рядом с телами. Из калитки, хитро спрятанной в нише стены, враги и появлялись. Чтобы она открылась, Павлу пришлось дожидаться следующей пары. Одного он зарубил, а потом проскочил внутрь – закрывшаяся калитка отрезала второго врага. Здесь пылали, отчаянно коптя, факелы, узкий проход вел куда-то в глубь стены.

«А ловушки?» – вспомнил Павел. – «Ямы с кольями, сходящиеся каменные блоки... Я обречен. Просто обречен. И ведь не выбросит из игры, наверняка заставят проходить с начала. Попробую не брать меч – может быть, тогда никто не придет».

Однако до лестницы ему удалось добраться живым. Тут попались еще два стражника, и Паша даже посетовал про себя на однообразие игры. Расправившись не без изящества с хорошо изученным противником, он осторожно стал подниматься. Азарт постепенно наполнял душу, и если бы только не помнить, что лежишь, беспомощный, в саркофаге, в ожидании страшной хозы... Если бы только не помнить. Когда прямо из стены шагнул рыцарь в черных латах, Павел забыл о Манане. Ненадолго.

Сириус, вне времени и пространства

Оказавшись на помойке, Гриша первым делом активировал ворованный кортик и замер на месте. Почему-то ему казалось, что кто-то обязательно должен напасть. Крупных хищников он в этом вонючем нагромождении неизвестных предметов обнаружить не ожидал, но вот мелочь должна была себя проявить. Если будет слишком опасно – еще не поздно попробовать вскарабкаться обратно к окну по связанной из простыней веревке. Хотя хватит ли у него на это сил, Гриша не знал.

Никто его не тронул, только между двумя блестящими цилиндрами в рост человека проползло нечто, напоминающее сороконожку величиной с кошку.

– Не хочу на консервный завод! – тихо сказал Гриша и резко оглянулся. Никого, только горы инопланетного барахла вокруг и вонь. – Должно же здесь быть место, где можно тихо отсидеться?..

Кортик он освоил не так чтобы очень хорошо, но вполне достаточно, чтобы справиться с любой неразумной жизнью. Лучи, вылетающие с острия при нажатии на красный камушек в рукояти, резали все подряд – Гриша успел попрактиковаться в квартире Ийермуска. Вот только куда идти? Гриша осторожно шагнул на блестящую крышку какого-то испорченного аппарата, но кроссовок вдруг начал погружаться в нее, словно в жидкость.

– Ай-ай! – Гриша потянул ногу назад. – Не туда... А куда?

Шорох заставил его обернуться. У самой стены дома, в котором жил Ийермуск и к которому примыкала помойка, из-под мусора не спеша выбирался то ли паук, то ли краб. Многоногость никогда не вызывала у Гриши симпатии, поэтому он тут же навел на несимпатичного помойного жителя кортик и выпустил длинный луч. Против его ожиданий, сирианскому пауку хуже от этого не стало. Рука стрелка дрогнула, луч скользнул по мусору

и легко располосовал какую-то тяжелую железяку, мешавшую твари выбраться на поверхность.

– Это не годится, не годится! – Гриша, не глядя, поднял руку и попытался поймать свою веревку. Иногда нужно уметь вовремя отступить на исходные позиции. Рука поймала пустоту.

– Ты зачем мой кортик украл, млекопитающее?!

Гриша задрал голову и увидел высунувшегося из окна сириусянина, он деловито сма- тывал веревку.

– Господин Ийермуск, простите! Я вам потом расскажу! Тут паук, огромный!

– Конец твой приходит, Гришенька. И поделом, нечего вещи красть. Что у тебя за пазухой?

– Так, ерунда... – Гриша следил за пауком. Паук потирал лапы. – Блюдо со стены!

– Вор!

– Да вам какая теперь разница?! Господин Ийермуск, пожалуйста, верните веревку! Во имя торжества разума!

– В гробу мы с Императором видали такое торжество! – Сириусянин все еще находился под немалым градусом. – Пока я спал, ты воспользовался моей беззащитностью, обокрал, обезоружил, разрушил полдома и сбежал в нарушение законов мира, в который тебя так гостеприимно пригласили! Есть на твоей планете животное свинья, так вот лучше бы я свинью привез. Гриша... – Ийермуск всхлипнул. – А ведь я тебе доверял...

Паук все потирал лапки. Но, кажется, быстрее.

– Я за помощью побежал... – сделал Гриша слабую попытку. – Хотел найти каких-нибудь ваших друзей... Оппозиционные силы... Партизан...

– Ну нашел. Вон он, твой партизан, к трапезе готовится. Легче тебе стало?

– Да при чем здесь я!!! – взвыл Гриша, хотя сам подумывал о том, чтобы пальнуть из кортика прямо в Ийермуска. Вот только бы он моток веревки держал поудобнее – надо, чтобы она упала вниз. – Вы в беде, мой господин! Разве по совести так поступать с тиро в третьем поколении, с героем Вторжения?!

– Ну вообще-то, совесть тут ни при чем, мы на Сириусе. С другой стороны, ты не сириусянин и даже не полугражданин, поэтому вполне можешь иметь извращенное представление о вселенской этике... – Ийермуск нерешительно стал разматывать веревку. – Я бы даже больше сказал: ты мог бы обманывать меня сейчас. Прикрываясь вполне естественной заботой о существовании высшей расы, ты на самом деле мог бы попробовать похитить меня. Это было бы ужасно, но что я могу сделать? Ты овладел моим оружием...

– Да! – взвыл Гриша, потому что паук тронулся с места. Бочком, не спеша, прямо к человеку. – Да, все может быть!

– Ты мог бы похитить меня прямо из-под коричневого ареста, наложенного на меня Семей. Ужасное злодеяние! Однако я так доверчив... Хватайся, червь.

Зажав кортик зубами, Гриша повис на веревке. Все время, пока Ийермуск поднимал его, он боялся посмотреть вниз. Оставалось надеяться, что паук не умеет хорошо прыгать.

– Вообще-то, он питается неорганикой, – заржал Ийермуск, когда оба оказались в квартире. – Их разводят для уничтожения мусора... Только мусор у нас такой, что роботыдохнут. Фу, как ты воняешь.

– Простите... – Не в силах стоять на дрожащих ногах, Гриша опустился в кресло. – Простите, господин... Я пойду выпью воды.

– Нет, дружок. Ты собираешься меня похитить, вот и нечего тянуть! – Ийермуск уже улегся на диван, подтянул поближе баллон с газом. – Сейчас я допущу неосторожность – накачаюсь этой штукой до состояния полной невменяемости, тут меня и хватай. С ветеранами такое бывает... Император, прости меня, а лучше убей!

– Так что делать-то? – не понял Гриша.

– Вынь мою душу, Император... Вложи пустоту Сириуса, заставь меня забыть, кто я...

Ийермуск, как гуманоид, большой стихоложеством, и даже немало пострадавший за него, легко и постоянно переводил на русский величайшие достижения сириусянской культуры, от которых у Гриши уже раскалывалась голова. Человек посмотрел на кортик у себя в руке.

– До Земли не добраться, не мечтай, – сказал сириусянин, прервав псалмопение. – Уходить будем огородами.

– Как?..

– Иди сюда, ничтожество.

Ийермуск вытащил из кармана явно заранее приготовленный приборчик – совсем маленький, вроде калькулятора.

– Не постичь твоим пещерным умишком даже сотой доли наших достижений... – Сириусянин рыгнул, семь пальцев свободной руки шустро забегали по кнопкам. – Вот эта, какого для тебя цвета?

– Зеленого, – присмотрелся Гриша. – Или салатового, я не очень...

– Заткнись. Запомни ее, недосущество. Когда твой господин так надышится, что уже не сможет сохранять активную верность Императору, ты свяжешь его, а потом нажмешь эту кнопку. На некоторое время откроется окно. Не медли, предатель: хватай высокопоставленного пленника и бережно волоки его туда.

– А куда мы попадем? – встревожился Гриша. – На Землю нельзя такое окно открыть?

– Конечно нет, бестолочь. Куда попадем – будет видно, когда попадем. Кстати, тебе понадобится допросить похищенного, так вот: дай мне понюхать эту капсулу. Все... – Ийермуск опять сунул в рот трубочку. – Дерзай, подонок. Но помни: Сириус тебе не простит этой низости.

Почувствовав себя немного лучше, Гриша прошелся по комнате. Выглянул в окно – на помойке валялся кверху лапами паук-робот. Наверное, успел отравиться какой-то гадостью. Землянин передернул плечами: вляпаться там можно было во что угодно. Он попробовал выйти из комнаты, чтобы выпить воды, но дверь оказалась заперта. Ийермуск не собирался давать питомцу много свободы.

– А может, и не брать тебя? – негромко спросил рассерженный Гриша. – Пользы-то немного от такого трофея.

– Я носитель величайшего во вселенной разума... – сквозь пьяную пелену пробормотал Ийермуск.

– Заметно.

– Слава Императору!

Время пришло. Воспользовавшись заготовленной из простыней веревкой, Гриша связал бывшего хозяина, больше стараясь не обездвижить его, а облегчить транспортировку. В любой момент из Дворца мог явиться какой-нибудь Лориклаксоз, блэро в седьмом поколении, и медлить не стоило. Гриша набрал побольше воздуха и нажал зеленую кнопку. Окно появилось посреди комнаты – заключенное в черную, блестящую рамку, оно висело в воздухе. За окном гнулась под сильным ветром зеленая, совсем земная трава! В комнату, наполненную выхлопом Ийермуска, пахло свежестью. Гриша кортиком постучал по рамке, нашел ее вполне прочной и, не колеблясь, потащил к окну сириусянина.

Москва-1

3 октября, утро

Коля и Костя сидели на подоконнике, со всем возможным подобострастием глядя на командира. С улицы доносился скрип первых переполненных экипажей, едва слышный сквозь ругань пассажиров. Доставалось правительству, отменившему почти все достижения науки и техники как вредные для экологии. Миша, кель-фатх-шуршур двоедины, по имперскому регистру БЧР130163-65у, размышлял.

– Что-то вы не то натворили, мясо. Странный ход приобрели мои мысли, – сказал он наконец. – Впрочем, измены Сириусу не замечаю. Первый приказ: Костя, продавай эту халупу. Прямо сейчас.

– Кому?.. – изумился булочник.

– Не обсуждать! Продать дорого, к ужину, кому угодно, за золото. Расчет наличный, немедленно.

– Дорого не выйдет...

– Не обсуждать, мясо! Марш. Теперь ты, первый расходный.

Обладатель воинского звания, ниже которого стояли лишь киборги и прочая лишенная воли шелупонь, соскочил с подоконника и вытянулся.

– Ты, Коля, пойдешь искать гнома Агши. Помнишь такого? Зарекомендовал себя как сочувствующий делу Сириуса.

– Слава Императору!

– Безусловно. – Кель-фатх-шуршур вытянул из пачки одну из ужасных нынешних сигарет и дождался, пока подчиненный поднесет огня. – Поиски начнешь с района бывшей «Щукинской», помнишь парк? Там Нечисть может дислоцироваться и до сих пор, надо проверить. Осторожно опроси местное населения на предмет его знания о сорвавшемся Вторжении. При обнаружении объекта попытаешься его завербовать, в крайнем случае – бей несильно по башке и тащи сюда. Если до ужина не успеешь выполнить приказ, прибудешь на доклад и наказание. Марш.

– Слава Императору! – Уже в дверях Николай обернулся. – А когда ужин?

Командир сморщился.

– Дурацкие вопросы отставить! Исполни.

Задача перед кель-фатх-шуршуром стояла сложная: остатки вверенного ему подразделения рисковали в самое ближайшее время погибнуть от голода. На первом плане власти совсем взбеленились, даже электричество собирались через месяц отключить окончательно.

«Хорошо, что я живу на третьем этаже, – некстати вспомнил Миша. – Впрочем, больше уже не живу. Квартиру тоже надо реализовать, таким образом обеспечить первичное финансирование условных семей личного состава и, используя легенду „командировка“, скрытно отвести часть в богатые сельскохозяйственными продуктами районы. В качестве таких Москва-0 представляется наиболее привлекательной в силу полученной во время Вторжения информации о...»

– О чем? – сам себя спросил Миша и постучал по левому виску, прогоняя звездочки. – О том, что в Москве-0, как на всем нулевом плане, цивилизация катится под откос. Однако жратвы пока хватает, и до подхода основных сил Сириуса можно продержаться. Местное население отличается низким уровнем развития и, как следствие, не замечает вторжения чужаков, не сопровождаемого боевыми действиями. Выделить следующее предложение... –

Миша набрасывал в своем полимерном уме черновик будущего доклада высокому руководству. – Выделить и подчеркнуть: «Отсутствие ярко выраженной агрессивности – что это, как не признак величайшей культурной деградации? Что это, как не вопль к звездам тупиковой ветви первичного разума: приди и возьми меня, Сириус! Конец записи. Хорошо вышло, за это можно и очередное звание схлопотать!»

Довольный биорг прошелся по булочной, надеясь отыскать что-нибудь съедобное, но за завтраком, состоявшим из остатков ужина, сириусяне доели все. Теперь остался только слабый аромат свежего хлеба, много лет выпекавшегося здесь Костей.

– Идиотский мир. Да и вся планета идиотская! – Кель-фатх-шуршур вернулся за стол, потушил сигарету. – Надо бы в перспективе отсюда как-нибудь... Но ведь без старшего по званию нельзя. Приказа нет. От Армии Вторжения остались только мы.

Зазвонил телефон – в продуктовых магазинах связь еще работала до особого распоряжения правительства. Миша не отказал себе в удовольствии снять трубку.

– А булочной больше нет! – сладким голосом сказал он. – Ищите хлебушка в другом месте. Слава Императору!

– Слава Императору! – ответил сухой мужской голос и длинно выругался.

Этого языка Миша не знал, биоргам Вторжения он не требовался, но пахло родным. Сириш – великий язык, на котором иногда ругается сам Император! Кель-фатх-шуршур вскочил, опрокинув хлипкий стол.

– Я вас слушаю!

– Слушай, мясо, внимательно слушай! С тобой говорит Керменштекз, блэро в седьмом поколении, Командующий Армией Вторжения!

– Осмелюсь доложить, высокий господин Керменштекз, Армии Вторжения больше не существует, а Командующим был господин Ийермуск...

– Армия существует, пока у меня есть хоть один боец! Представиться кое-кто забыл, между прочим! А Ийермуска, грязную отрыжку цивилизации, ты при мне лучше не поминай. Я – новый Командующий.

– Слушаюсь! – Михаил даже замаршировал на месте. – Кель-фатх-шуршур БЧР130163-65у, личный состав доверенной мне двоедины: БЧР 170860-18к, БЧР150361-12с!

– Что, и все?.. – после паузы спросил Керменштекз.

– Точно так, слава Императору!

– Охренеть... И никаких контактов с выжившими?

– Ни единого! Полагаю, уничтожены все! Сириус покарает хозов!

– Охренеть... – повторил убитым голосом Керменштекз. – Слушай мою команду, мясо: я буду к ужину. Обеспечить довольствие Командующему. Избыток не возбраняется. Почистить оружие и амуницию. Марш!

– Осмелюсь доложить, у нас амуниции нет, а оружие... – Миша еще немного послушал гудки и вернул трубку на место. – А оружие в парке зарыто, я забыл Кольке сказать, чтобы он проверил. Однако пора подумать о снабжении.

Он вышел, не закрыв дверь, и отправился продавать первому встречному свою двушку на выгодном третьем этаже. Почти всю дорогу Миша расстроено покачивал головой, вызывая подозрительные взгляды у прохожих.

«Надо же, – думал он, – господин Ийермуск не только жив, но даже успел попасть в опалу! А если Император его вовсе не смещал официально, если я не имею права выполнять приказы господина Керменштекза? То есть я, конечно, обязан выполнить все распоряжения благородного сириусянина, пока они не противоречат приказам Командующего, а кто Командующий – непонятно... Надо быть очень осторожным. И как можно убедительнее изложить Керменштекзу план передислокации части. То есть теперь уже Армии Вторжения.

Мог бы и в звании повыситься, если он в самом деле Командующий, а я единственный на Земле военачальник...»

Игра «Мир Стрелы»

«Эпизод IV: Замок герцога О»

Рыцарь в черных доспехах едва не снес Павлу голову. Игрок поневоле откинулся всем корпусом назад и, конечно же, загремел вниз по винтовой лестнице. Трофейные пики разлетелись по ступеням, и одну из них Паша сразу схватил. Как только из-за поворота, гремя железом, показался рыцарь – своим слишком длинным мечом он задевал за стены – Павел без колебаний ткнул оружием ему в забрало. Металлическая решетка поддалась сразу, все же игра есть игра.

– Вот тебе, сволочь! – После падения по каменным ступеням гуманизма у Павла не осталось ни на грош. – Умри!

Рыцарь выронил меч, попытался схватиться за пику, но игрок просовывал ее все глубже. Наконец враг содрогнулся всем телом и тяжело упал вперед. Павел едва успел отскочить в сторону, иначе пришлось бы опять катиться вниз, теперь вместе с закованным в броню мертвецом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.